

любовный детектив

Елена АРСЕНЬЕВА

Мода на умных
жен

Елена Арсеньева
Мода на умных жен
Серия «Писательница
Алена Дмитриева»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161392

Мода на умных жен: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-22360-2

Аннотация

Алена Дмитриева далека от юриспруденции и частного сыска. Но если бы не она, то добрый десяток уголовных дел пополнил бы список нераскрытых. Сама ее жизнь – сплошной детектив, не даром Алена занимается их сочинительством. Дамочка, конечно, с гонором и довольно противная, как заметил давний знакомый Дмитриевой начальник УВД Муравьев в разговоре с бизнесменом Алексеем Стахеевым, но разрулит любую ситуацию. Стахеев пожаловался ему на свои неразрешимые проблемы прямо-таки мистического характера. Писательница без всякого энтузиазма взялась за авантюрный план спасения Стахеева, предложенный мужчинами: стать «невестой» Алексея. И ведь не зря колебалась. Знала бы, чем кончится «медовый месяц», сбежала бы в монастырь...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

126

Елена Арсеньева

Мода на умных жен

Среди женщин так много идиотов, что это даже перестали замечать.

А. Чехов

Нижний Новгород, наши дни

Никто не знает, где и когда он ступит на свой последний путь и сделает по нему первый шаг. То есть иногда даже во-все и не шаг как таковой, то есть совсем не обязательно произойдет физическое перемещение ног: правая-левая или левая-правая. Этот шаг может быть неосторожно сказанным словом, не вовремя проявленным любопытством, глотком чего-нибудь, что вам категорически противопоказано, сигаретной затяжкой, резким движением, благим намерением... ну, не знаю, анестезией у стоматолога, что ли, которая вызовет аллергическую реакцию и отек Квинке... Да мало ли чем может быть этот шаг! Вообще есть такая русская пословица: «Родятся на смерть, а умирают на жизнь». То есть, строго говоря, уже в ту минуту, когда мы только открываем свои ничего еще не видящие глазки и издаем первый бессмысленный крик, мы делаем начальный шаг туда, откуда не возвращаются.

Но будем говорить не строго... да, не будем говорить строго и попытаемся понять, когда же и каким образом сделала

свой роковой шаг героиня нашего романа.

Это случилось октябрьским пасмурным, а местами и дождливым днем... Дождь осенью – явление самое обыкновенное, даже более чем, однако в том приснопамятном октябре дождливые дни можно было пересчитать по пальцам одной руки. Такая вот выдалась осень... самая что ни на есть золотая, другого определения не подберешь... Словно нарочно замкнулся над землей этот сияющий хрустальный купол, чтобы Алена Дмитриева (именно так зовут нашу героиню) свою последнюю осень запомнила надолго и даже, не побоимся этого слова, навсегда. На всю оставшуюся жизнь.

Итак, осень стояла хрустальная, сияющая, золотая и неопишимо теплая. А к хорошему, как известно, быстро привыкаешь. И случайный дождливый день казался сущей нелепостью, каким-то грязным пятном на чистеньком новеньком плащике, неудачным мазком на шедевральной картине, одной фальшивой нотой в общем слаженном хоре. И настроение от этой фальши, неудачи, грязи портилось моментально. Именно в таком вот испорченном настроении Алена подбежала к автобусной остановке «Оперный театр» и вскочила в полупустую маршрутку, которая тихонько так стояла, словно ждала именно ее.

Хм, ждала... Подстерегала, словно капкан – добычу! В ту самую минуту, как Алена поставила ногу на ступеньку и протянула руку, чтобы ухватиться за поручень, «пазик» тронулся. Нога Алены со ступеньки сорвалась, и нашей геро-

ине удалось удержать равновесие и не свалиться под колеса «движущегося транспорта» только чудом. В общем-то, ей отчасти повезло, потому что водитель маршрутки не только взял с места, но и дверцу закрыл, и если бы Аленина нога со ступеньки не сорвалась, то прыгать бы ей на одной ножке вслед за маршруткой незнамо сколько (впрочем, вряд ли ее хватило бы надолго). А так дверцей была зажата только конвульсивно взмахнувшая рука нашей героини. Что характерно, высвободить руку Алена не могла: «пазик» ей попался новый, с крепкими дверцами, которые зажали злосчастную конечность намертво.

Но хотя Алена была к маршрутке практически прикована, она все же имела возможность бежать на обеих ногах, что само по себе в сложившейся ситуации можно было считать даже не везением, а большим счастьем. Правда, Алена не успела полностью ощутить это свое счастье, а также и элементарно посчитать, сколько времени она бежала за маршруткой: кстати, не столь уж долго и бежала, каких-то несколько секунд. Потому что пассажиры, увидав ее руку, подняли крик и на него отреагировал... нет, не носатый водитель, который в ту минуту, сладко улыбаясь, чирикал с кем-то по мобильному телефону (тоже в некотором роде Аленино счастье, поскольку из-за этого он еще не врубил полную скорость и «пазик» тащился, можно сказать, еле-еле), а кондуктор, молоденький мальчишка с простенькой конопатой мордашкой, сидевший около кабины шофера и явно подслуши-

вавший его разговор. Кондуктор глянул в окно и сначала увидел Алену, бегущую за маршруткой. Какое-то мгновение он смотрел на нее с сонным, равнодушным выражением: ну, мол, беги, беги, если делать тебе больше нечего! Но потом до парня, пусть и с некоторой пробуксовкой, доехало, что именно произошло, почему за маршруткой бежит, как пришитая, какая-то дамочка и почему народ крик поднял. И кондуктор повернулся к водителю, крикнул ему что-то типа: «Открой дверь!» или «Стой!» Естественно, Алена слов его не слышала. К счастью, водитель как раз в тот момент выключил телефон и смог отреагировать достаточно быстро. Он и «пазик» остановил, и дверцы открыл. Освобожденная Алена тоже остановилась и прижала к себе сдавленную, онемевшую руку. И какое-то мгновение пребывала в неподвижности, с трудом удерживаясь на дрожащих ногах, переводя дыхание и пытаясь понять, где она, что с ней и как вообще жить дальше.

Тем временем впереди на перекрестке светофор сиял зеленым сигналом, и водитель счел, что ждать далее, пока бегунья придет в себя, нецелесообразно. Ему надо ехать! У него план, время, деньги. А может быть, он просто не захотел выслушивать то, что могла, хотела и должна была – имела на то полное право! – сказать ему Алена. Короче, он снова закрыл дверцу, дал по газам и с крейсерской скоростью помчался через трамвайные пути к повороту на площади Свободы. И скрылся из виду прежде, чем Алена успела заметить

его номер, чтобы пожаловаться куда следует за бесчеловечное обращение с пассажирами... Собственно, она и вообще не заметила, в какую именно маршрутку садилась, потому что практически все шли туда, куда ей нужно было доехать: на площадь Минина. Двести пятьдесят раз она убеждала себя, что нужно побольше ходить пешком, что на улице она и так мало бывает, все сидит за компьютером (наша героиня – писательница, заметьте себе, автор детективов), однако немедленно забывала о своих благих намерениях, лишь только доходила до остановки и замечала попутную маршрутку.

Нормальный человек на месте Алены Дмитриевой после такого пассажа что бы сделал? Конечно, пошел бы дальше пешком. И надолго, если не навсегда, зарекся бы ездить в нижегородском общественном транспорте. Особенно если за рулем окажется носатый водитель! Но нашу героиню никто, даже любящий мужчина (на данный момент жизни Алена вообще-то пребывала в одиночестве, но ведь любил же ее хоть кто-то хоть когда-то, честное слово, любил, и даже кончать с собой пробовал... этот, как там его звали?... ах, имя им легион!), даже в припадке страсти никогда не назвал бы нормальной женщиной. Поэтому знаете что она сделала? Прижимая к груди ноющую, только что расплюснутую неумолимой автобусной дверцей руку, немедленно вошла в следующую подошедшую маршрутку! И даже заплатила за проезд!

Итак, она села на первое попавшееся свободное сиденье

– народу здесь оказалось раз-два и обчелся – и принялась водить все еще затуманенными глазами по сторонам. И когда туман в ее глазах наконец разошелся, первым, что смогла разглядеть Алена, было объявление, висящее на плексигласовой перегородке, отделяющей водителя от пассажиров. Объявление гласило: *«Не будь ослом – пройди в салон!»*

Ну и всё. Наша злосчастная героиня окончательно потеряла сознание, и все сдерживающие центры, и без того *защемленные* предыдущим инцидентом, у нее вовсе отключились. Вопиющее хамство наглядной агитации, столь распространенной в нижегородском общественном транспорте, давно терзало ее, впрочем, как и столь же вопиющая ее безграмотность. Как вам, не бывавшим в Нижнем Новгороде, понравятся, например, такие перлы: «Ежьте семечки с кожурой а конфеты с фантиками!»; «Нажал Доехал, не нажал Проехал!»; «Бывает заяц белый бывает заяц серый а ты какова цвета товарищ без билета?»; «Остановку „Вот тутa“ отменили!»; «Бутылка выпита до дна и далеко родной подъезд, не тратьте деньги на вино, оставьте деньги на проезд!»... И это еще самые человеколюбивые и любезные из водительских приколов, перемежаемые непременно фотографиями нагих силиконовых грудей и столь же нагих и, очень может быть, столь же силиконовых импортных задниц. И, конечно, всю поездку сопровождает гремющая до одури музыка – почему-то непременно «Радио „Шансон“». Кстати, вот интересно, по какому праву завыванье бывших зэков стало

именоваться шансоном?! Ну ладно, о вкусах не спорят, но о манерах...

– А что, обязательно надо оскорблять людей?! – выкрикнула Алена звенящим от ярости голосом.

Кондукторша, худющая девчонка с выдающейся попкой, приставленной к туловищу под странным углом (чудилось, эта часть тела взята напрокат у кого-то другого, килограммов на сорок тяжелее), уставилась на Алену огромными глазами, цветом напоминающими мутную воду из Гребного канала.

– Чо? – спросила она, прижмуривая глаза, сводя к носу брови и застывая с приоткрытым ртом. Надо сказать, «чо» – любимое слово нижегородцев, и все они, как один, чокают именно с таким выражением лиц. Земляков своих Алена очень любила, но слово «чо» ненавидела лютой ненавистью.

– Через плечо! – выкрикнула она, едва удержавшись, чтобы не добавить любимую присказку своего детства: «Да по уху!» – Я спрашиваю, разве обязательно оскорблять людей?

– Да кто вас оскорбляет? – снова вытаращилась кондукторша. – Я вам ни слова не сказала! Вам небось слышалось!

– Чо там кому слышалось? – раздался гортанный говор, и шофер обернулся в салон. Ой, как интересно... На маршрутках что, работают близнецы-братья? А впрочем, говорят, японцам все европейцы кажутся на одно лицо. Так же и европейцам – все японцы. Так же и русским – все кавказцы...

– Мне ничего не послышалось! – крикнула Алена. – И не привиделось! Я просто не верю своим глазам: как у вас хватило наглости написать такое? – Она махнула рукой на объявление.

– Да чо ты пэрэживаеш, я нэ понял, дэвышка? – забеспокоился водитель.

Господи, он по-русски и говорить еще толком не умеет, а уже чокает по-нижегородски! Объясняться с таким – только зря язык мозолить. Алена не будет объясняться. Она вот что сделает...

Алена огляделась и увидела то, что искала: прикрепленный над дверцей листок бумаги с координатами автобусного парка, которому принадлежала маршрутка. Отлично! Не частник какой-нибудь, а более или менее муниципальная компания. Какие там телефоны? У нашей писательницы всегда под рукой орудие ремесла: ручка и блокнот, чтобы их зафиксировать...

– Вы чо это делаете? – насторожилась кондукторша. – Вы чо пишете?

– Телефон вашего начальства, – объяснила Алена. – Вашей транспортной фирмы.

– Неужто звонить будете? – совершенно изумилась девчонка.

– Уж будьте благонадежны, – буркнула Алена. – Я у вас отобью охоту оскорблять пассажиров. «Пройди в салон, не будь ослом!» Это же надо – придумать такое!

«Пазик» подрулил к остановке и затормозил так резко, что Алена покачнулась и плюхнулась на ближайшее сиденье. Еще повезло – запросто могла бы рухнуть прямо на пол.

– Поосторожней нельзя? – недовольно проворчала она, убирая блокнот и ручку в сумку.

– Да тебя вообще в окно надо было выкинуть! – высказала свое мнение кондукторша. – Старая скандалистка!

Что?!

– Это я – скандалистка?! – сдавленно ахнула Алена.

Вообще-то ей хотелось выкрикнуть: «Это я – старая?» Но, с другой стороны, девчонке она в матери годится, уж точно... И с точки зрения малолетней кондукторши, место сорокаоднолетней тетке в богадельне, если уже не в могиле. И все равно, лучше пусть обзывают скандалисткой, чем...

– Служай, зачем звонить, а? – вкрадчиво спросил водитель, перегибаясь в салон. – Зачем пэреживаешь?

– Снимите объявление – и я не буду никуда звонить, не буду переживать, – покладисто предложила Алена. – Снимите и дайте мне. Я его выброшу, а то еще снова повесите!

Водитель покачал головой:

– Ай-я-яй... Служай, твое какое дело, чо там написано?

– Как это – какое мое дело?! – изумилась Алена. – Но ведь объявление обращено ко всем пассажирам, ко всем, кто едет в вашей маршрутке...

– Какая она моя? – обиделся водитель. – Я на ней работаю, понимаешь? Она не моя! Моя «Ауди» в гараже стоит в

Цахкадзоре.

– Где-где? – машинально переспросила Алена.

– В...де, – доходчиво пояснил водитель.

Кондукторша зашлась хохотом.

Алена даже зажмурилась на минуточку.

– Ну ладно, как хотите, – сказала она, вставая и делая шаг к выходу. – Бесплезно тратить время на всякое белобрыое чмо. И на черномазое – тоже!

И в эту минуту дверца захлопнулась – прямо перед ее носом.

Сначала Алена подумала: «Как хорошо, что я не успела высунуть руку!» Потом возмущенно обернулась к водителю и кондукторше и вперилась взглядом в их скалящиеся физиономии.

– Да вы что? – Она растерянно огляделась, пытаясь призвать в свидетели других пассажиров, и обнаружила, что находится в салоне одна – не считая, понятно, этих двух моральных уродов. Пассажиры, такое впечатление, успели ускользнуть через вторую дверь. Со страху, что ли?

Впрочем, страх тут ни при чем. Просто-напросто маршрутка находилась уже на конечной остановке близ площади Минина, вот все и вышли. И Алена вышла бы, и двинулась бы напрямик в зал ценных фондов областной библиотеки, куда изначально направлялась, и уже сидела бы там за любимым столиком в уголке, кабы не ввязалась в бессмысленную свару. Которая вдобавок, кажется, становится опасной.

Нет, конечно, эта парочка разбойников ничего с ней не сделает, они ее выпустят... но когда? И вдруг *не* выпустят? Вот как даст сейчас водила по газам, и умчится маршрутка невесть куда, в какой-нибудь притон черномазых разбойников...

Ну, воображение у нашей героини было чрезвычайно буйное, не зря же она писала романы с лихо закрученной интригой, горами трупов, морями крови, невероятными приключениями и ледящими душу опасностями... но, с другой стороны, из этих опасностей героини Алены Дмитриевой, такие же надменные, ироничные интеллектуалки, как она сама, очень лихо выпутывались без всякой посторонней помощи, да еще и других выпутывали, не теряя ни грана ехидства, интеллекта и изысканности. И если так поступают героини Алены Дмитриевой, то неужто сама она, их создательница, не сможет «развести» столь обыденную ситуацию, как скандал в маршрутке? Да запросто!

– Знаете, это просто смешно, – сказала Алена высокомерно. – Вы меня заперли зачем? Чтобы выцыганить у меня листок, на котором я записала этот ваш телефон? Да возьмите! – И она вырвала листок из блокнота, скомкала и швырнула кондуктору.

Та подхватила бумажный комочек с жадным выражением лисы Алисы, которая достает из ямки запрятанные Буратино золотые монеты.

И очень может быть, что рука водителя в этот миг уже по-

тянулась к тому рычажку, или кнопке, или еще к чему-то, чем открывается автобусная дверь, и вполне вероятно, что он открыл бы дверь, и выпустил бы Алену, и она пошла бы в зал ценных фондов областной библиотеки, и вся ее жизнь, как пишут в романах, сложилась бы иначе, совсем иначе! Но бес, который, как известно, таится за левым плечом каждого из нас (а за правым стоит наш ангел-хранитель... но Аленин ангел в ту минуту, видать, отвернулся, в то время как враг рода человеческого всегда настороже), взял да и потянул Алену за язык. И она возьми да ляпни:

– Бумажка мне и ни к чему!

Впервые в мутных глазах девчонки-кондукторши появилось осмысленное выражение.

– Вы что, телефон запомнили? – спросила она изумленно.

– А вы, наверное, думаете, что у меня уже начался склероз? – ехидно усмехнулась Алена.

– Нет, правда будете звонить? – опять спросила девчонка.

– Снимите эту дурь, тогда не буду! – опять ответила Алена...

Скандал пробуксовывал, выруливал на второй круг – столь же безнадежный, как и первый.

– Ладно, Анжела, слюшай, сними бумагу, – внезапно приказал водитель, и Алена от изумления чуть не подавилась.

Кондукторша, что характерно, тоже.

– Не буду снимать! – выкрикнула она тонким скандальным голосом. – Ты что, Ашот, сдурел – всяких старых дур

слушаешь!

«Господи, ты все видишь!» – Алена воздела глаза к небу с видом первой христианской мученицы, отправленной на растерзание львам и тиграм на арене Колизея.

– Сними, кому сказал! – рывкнул Ашот.

Анжела повиновалась, стиснув губы в куриную гузку.

– Дай сюда! – приказал Ашот. Затем он смял бумагу в комок и швырнул ее на пол в салон. А потом... потом он вдруг повернулся к лоточку, в котором лежала выручка (смятые десятки и монеты), и отправил его вслед за пресловутым объявлением. И еще какую-то чумазую тряпку швырнул – для массы, надо полагать.

– Ты чо?! – вскрикнула испуганно Анжела, но Ашот только плечами пожал:

– Я чо? Да я ничо! Это она – ты разве не видела, Анжелка? – это она все разбросала! И листок сорвала, и деньги расшвыряла!.. Но ничо, это ей даром не пройдет! Она еще попляшет! Ты ничо с полу не поднимай, Анжелка, поняла? Я ее сейчас в ментуру сдам!

И с этими словами он выскочил из «пазика» – и тотчас замер по стойке «смирно», чтобы пропустить поток машин, несущийся по Варварке.

Алена растерянно оглянулась.

Анжела таращилась то на нее, то на разгром, учиненный в маршрутке, и глаза у нее были по-детски испуганные. И даже вроде бы слезами их заволгло.

– Трудно вам с ним? – спросила Алена, которую порою пробивало вот так вдруг – надо или не надо – на жалость к объектам, совершенно в ее жалости не нуждающимся и, по большому счету, не заслуживающим оной.

– Да он еще ничо, он хоть не пристаёт, – пробормотала Анжела. – У него жена русская, поэтому он всех русских женщин жалеет.

– Да-да, я только что это заметила, – едва ответила Алена, не надеясь, впрочем, что ее ирония окажется доступна кондукторше. – Меня он очень сильно пожалел.

Она повернулась к окну и поглядела на этого «жалельщика русских женщин». Ашоту наконец удалось прорваться сквозь череду машин. Он перебежал дорогу и подскочил к черному «Мерседесу», припаркованному почти у входа в «Алексеевские ряды». Наклонился в тонированному стеклу около места водителя... Дверца распахнулась, и из автомобиля выбрался невысокий, но очень широкий – настоящий крепыш – парень лет тридцати с хмурым простонародным лицом и острыми глазами. Само собой, он был брит на голову, носил черную кожаную крутку и черную же водолазку с черными джинсами. А впрочем, даже и без этого камуфляжа «деловых» сразу видно было, что парень он крайне серьезный.

Крепыш сдержанно поручкался с Ашотом и, сунув в карманы джинсов изрядные кулачищи, стал внимательно слушать его торопливую (Алене был виден профиль супостата

и активное шевеление его усов) речь. Иногда водитель махал в сторону «пазика», крепыш следил взглядом за движением его руки, и Алене казалось, что неприятные темные глаза (она, понятно, не могла различить их цвета, но ощущение чего-то темного и тяжелого не исчезало) пристально выцеливают ее – словно дуло ружья. Вернее, словно двустволка – глаз-то было два. К сожалению...

– Кто это? – спросила она у Анжелы.

– Не знаю... – пробормотала та. – Крутой какой-то. Мент, что ли? Номера вроде милицейские...

Алене номеров видно не было, но она все равно в них ничего не понимала, а потому поверила кондукторше.

– Точно?!

– Ашот сказал же: в ментуру вас сдаст. Наверное, знакомый его. Ой, ведь и правда сдаст...

– Ну-у уж! – протянула Алена с максимально возможным недоверием, однако максимум получился какой-то минимальный...

– Дался же вам этот осел из объявления... Вот зачем вы Ашота разозлили? – проворчала вдруг Анжела, и Алена с изумлением услышала, что голос кондукторши исполнен сочувствия.

– Ладно, это бессмысленный разговор, – махнула наша писательница. – Мы друг друга все равно не поймем. Вы меня лучше выпустите, Анжела. Мне в библиотеку надо. Вон в ту, областную. В зал ценных изданий. У меня там книжка зака-

зана. А время уходит...

Анжела несколько раз моргнула, и ее глаза, за последние несколько минут приобретшие вроде бы вполне приятный зеленоватый цвет, снова сделались пустыми, плоскими и невыразительными. Вдобавок она их немедленно отвела от Алены, можно сказать, даже отдернула с испугом.

– Как это я вас выпущу? – пробурчала Анжела. – А что со мной потом Ашот сделает? Видели же, какой он бешеный? Деньги раскидал... – И она с тоской поглядела на разбросанную мелочь и червонцы, однако и пальцем не пошевелила, чтобы их собрать.

Да, жалостливого Ашота девчонка боялась, кажется, до смерти, и Алена поняла, что тезис «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих» не утратил актуальности и сиюминутности. Она вскочила с сиденья, на краешек которого опустилась было, и, сделав обманный полувольт, обогнула Анжелу, рванулась к передним дверцам и попыталась их разомкнуть руками.

Но ничего не вышло, конечно!

– Откройте! – крикнула Алена яростно.

– Ага, так я тебе и открыл, хулиганка! – послышался злорадный голос Ашота, и Алена, обернувшись, увидела, что он уже забрался в кабину и скалится на ее бессмысленные старания с нескрываемым удовольствием. – Ничего, сейчас с тобой разберутся!

Вслед за этим Алена услышала звук открываемых дверей

– увы, совсем не тех, сквозь которые она безуспешно старалась прорваться, а задних. Она повернула голову и увидела, как через них в «пазик» впрыгнул крепыш в черной куртке (ну, тот, из «Мерседеса») и, грозно набычившись, пошел к ней, тяжело поводя плечами и как-то особенно пугающе стискивая свои увесистые кулачищи...

– Милиция, – буркнул он, с отвращением оглядывая замершую Алену. – Предъявите документы!

...В описываемое время неподалеку от места сего происшествия происходил приватный разговор следующего содержания:

– погоди, Леха, я не понял, так ты у нас теперь что, вернее, кто – псих?

– Выходит, псих. Хотя веселого тут мало.

– Да я и не веселюсь, что ты! А врачи что говорят?

– Ты больной? Не был я у врача! Придешь туда – и всё, поминай как звали. А вернее, вообще не поверят. Нет, к психиатру я не пойду, с меня вполне хватило того зачуханного юного невропатолога из нашей поликлиники, к которому я все же обратился. Все, говорит, у вас нормальное, и пульс, и давление, и язык розовый...

– погоди, а при чем тут язык?

– Ты меня спрашиваешь?! Ты его спроси! И язык розовый, говорит, и слюна не каплет, и сопلي не текут, а пульс нормальный, наполнение хорошее... Ну и прочую всякую

свою чухню несет. Я ему: да вы поймите, я сам себя в клетку посадил и наружный замок навесил, чтобы не бежать в музей! А он, когда про музей услышал, вообще чуть ли не хихикать начал. То есть у них это, видимо, ни в какие рамки не входит, чтобы человек так вот с ума сошел – захотел бежать в художественный музей картины смотреть. Новое поколение выбирает пепси...

– А может, как раз наоборот. То есть я тебе навскидку назову человек сорок, которых только в припадке белой горячки в музей затащить можно. И это только, что называется, среди нашего бомонда. А возьми кого попроще...

– Ну так оно. И все же мне показалось, что, если я бы сказал этому докторишке, что я – Наполеон, Александр Великий, или, к примеру, батяня Махно, или даже вся эта тройка в одном флаконе, а не порознь, он бы мне худо-бедно поверил. А в патологическую страсть к искусству – нет, ни за что!

– Но я так понял, у тебя вроде была страсть не к искусству, а к разрушению оною, да? Ты картину что, порезать хотел?

– Я и сам не знаю, чего я от нее хочу. Ну да, кажется, именно порезать...

– А ты врачу про это сказал? Леш, чего молчишь? Сказал или нет?

– Честно? Нет.

– А почему?

– Ну, если совсем честно, доктор тот где-то был прав: в ту минуту, когда он меня осматривал, я уже малость очухался.

Бесы мои то ли уgomонились, то ли устали, то ли на другой объект перекинулись... Я говорил тебе? Они ведь меня проинформировали, что я у них не один такой искусствоман под опекой...

– Твою мать... Мать твою!

– Ну при чем тут моя мать, ты сам посуди! Родила она меня вполне здоровым, и столько лет нормально прожил, тоже Бога гневить нечего, даже простужался не каждую зиму, а что с катушек съезжать вдруг стал – это, наверное, жизнь заставила... А насчет того, почему я не сказал доктору, что меня терзала зависть к лаврам Герострата... Испугался я, понимаешь? Подумал: а вдруг он вызовет милицию, повяжут меня и...

– Леха! А друзья на что!

– Друзья?... Хм... Уж и не знаю... После того как родная дочь со своим женишkom уже готовы были самодельную смирительную рубашку на меня надеть, я даже в семейных узах разуверился, что ж о друзьях говорить...

– В каком смысле – смирительную рубашку? Они знают, что с тобой случилось?

– Нет. Я побоялся им сказать. Да какая разница? Они меня давно ненормальным считают, с тех пор как я с Юлькой стал встречаться.

– У тебя с ней сколько лет разницы, двадцать?

– Больше.

– И что? В наше время обычное дело, кто только не же-

нится на молоденьких моделях!

– Отстал ты, Лева. Это теперь моветон, понял? Теперь это признак провинциализма – жениться на барышнях, которые тебе в дочери или внучки годятся. А уж если ты ее с подиума снял, да еще ноги у нее от ушей, да еще блондинка, не дай Бог, – ну полный отстой. «Симптом царя Давида», как моя Галька выразилась, что в переводе на язык нашего поколения означает – маразм крепчал. Теперь только дамы немолодые (взрослые, как они себя деликатно называют) по мальчишкам сохнут, вот это самый писк моды. А нам, мужчинам, на девочек заглядываться – Боже упаси. Дурной вкус, дурной тон, стыдобища...

– А как насчет того, что седина в голову, а бес в ребро?

– О нет, про бесов ты мне не говори, а то меня опять ко-режить начнет!

– Да ты погоди, Леха, успокойся, мы что-нибудь придума-ем.

– А что ты можешь придумать? Нет, ну правда? Что ты можешь придумать и что мне посоветовать? Я же вижу – ты мне не веришь, как тот невропатолог. А я понимаю, что съехал с катушек, я этого не отрицаю. Диагноз налицо! Но если хочешь знать, я не верю, что съехал ни с того ни сего. Что это возрастное, как считает моя дочь, или от переутомления, к примеру. Не просто так все это со мной случилось, не про-сто так...

– А как?

– Не знаю. Не знаю! Сам хотел бы узнать.

– Ты что, подозреваешь какой-то криминал? В смысле, опоили, укололи...

– Подобные случаи бывали, ты же не станешь отрицать, да?

– А кто мог с тобой такое сделать? Ты прикидывал – кто мог, кому это надо?

– Не знаю. Знал бы, не пришел бы к тебе. Просто у меня сейчас такое состояние, что я ни одному человеку, который рядом со мной, не верю – ни дома, ни в тренажерном зале, ни в ресторане, конечно. Не верю парикмахеру своему. Дочери не верю, жениху ее тоже, тем паче что он тоже медик и даже работает на «Скорой»... Даже тому придурку, соседу своему, который ко мне ходит книжки брать, не верю. Ладно еще, жены уж нет в живых, а то бы и ей не верил тоже. Я чувствую, кому-то нужно свести меня с ума. Поверь, я не преувеличиваю! Вот и сводят, причем весьма успешно. А кто их знает, может быть, вслед за этим и в могилу погонят. Ничуть не удивлюсь! Если бы ты перенес хоть один такой припадок, которые у меня уже не раз были, ты бы тоже жить не захотел, я-то знаю. А кто меня может опаивать, если не домашние? Кошмар, конечно, но это не мания преследования, поверь!

– А эта твоя, блондинка с подиума? Ты у нее небось тоже пьешь и ешь...

– Юлька? Она – исключение. Ей-то я верю. Ей одной.

– Такая большая любовь?

– При чем тут любовь? В любовь ее я как раз не верю, хотя очень хочется. Просто голый расчет: ей меня терять смысла нет, иначе опять останется при своих ногах от ушей. А таких ног и таких ушей сейчас уже знаешь сколько – конкуренция в этом бизнесе будь здоров. Со мной-то Юльке понадежнее, согласись.

– Безочарованный ты человек, Алексей...

– А ты? На твоей-то должности, при твоей работе ты что, очаровываешься людьми, да?

– Знаешь, бывает! Есть тут одна...

– Модель? Секретутка? Мисс «Нижегородская милиция»? У вас, я слышал, даже капитанские звания дают хорошеньким девочкам за победу на таких конкурсах?

– Ну, это ты хватил насчет званий... Нет, она не модель и уже далеко-о не мисс. Но умна, как бес!

– Ага, и еще при том заслуженный работник милиции, юстиции, или какие там звания у вас дают при выходе на заслуженный отдых. Ей небось лет восемьдесят, твоей мисс Марпл?

– До пенсии ей еще далеко. И вообще, она не юрист, не следователь, не прокурор, не адвокат. И даже не частный детектив. Но, честно признаюсь, если бы не она, то парочка, а может, и троечка дел у нас так и зависли бы нераскрытыми. Конечно, я раньше застрелюсь, чем признаюсь ей в этом, – из чисто педагогических соображений, уж очень гонористая она дамочка и, честно говоря, довольно противная, ехидна

зловредная. Но факт есть факт: она нам крепко помогала. И если бы можно было как-то рассказать ей о твоих проблемах... не удивлюсь, если бы она и их расщелкала. Дамочка с фантазией! Ручаться не стану, но такие вот непонятки, в которых вроде бы нет состава преступления, а серой ощутимо пахнет, как раз по ней.

– Да кто ж она такая, на самом-то деле?!

Вопрос остался без ответа, потому что в это самое мгновение в кармане одного из собеседников зазвонил мобильный телефон.

– А почему это, интересно, я должна вам предъявлять документы? – надменно спросила Алена. – Кто вы такой?

Крепыш сделал самое скучное лицо на свете и ничего не сказал.

«Может, я его сама должна узнать?» – не без тревоги подумала Алена, которая отлично знала свою рассеянность, порою принимающую просто-таки парадоксальные размеры. Иной раз она такие номера откалывала, что знаменитый книжный Рассеянный с улицы Бассейной показался бы рядом с ней просто мальчиком из церковного хора!

Может, этот качок какой-нибудь местный босс? Новый представитель президента в Приволжском федеральном округе, скажем... Хотя нет, новенького представителя Алена видела по телевизору: он ростом под два метра, такого ни с кем не спутаешь, видный мужчина, не то что прежний

– плешивый Чупа-чупс. Нет, судя по тому, что Ашот обещал неприятности с органами, этот суровый недоросток – какое-нибудь большое милицееское начальство, может, даже федерального масштаба.

Нет, не катит, как принято выражаться. Или – не пляшет. Ни то, ни другое! Потому что большое федеральное начальство вряд ли кинулось бы по первому слову какого-то подозрительного лица понятно какой национальности прижимать к ногтю русскую дамочку, пусть даже малость поскандалившую в маршрутке.

– Это все вы тут натворили? – спросил крепыш в кожане, так и буравя Алену взглядом. – Хулиганство, а на хулиганство соответствующая статья имеется. Так, быстро показали документы, если не хотите неприятностей на свою голову!

Неприятности Алена уже на свою голову нажила, а из документов при ней был только читательский билет областной библиотеки, причем билет не простой, а «Удостоверение почетного читателя». Корочки уважаемые, но в пределах только одной отдельно взятой организации, а именно – самой библиотеки. Там, правда, имелась фотография три на четыре, но ни штампа о прописке, ни чего-либо другого, удостоверяющего благонадежность гражданки Ярушкиной Елены Дмитриевны (так звали нашу героиню в миру, хотя читателям своих романов она была известна как Алена Дмитриева). Правда, в графе «Профессия» в билете значилось – «писатель», но никто и никогда не принимал Алену за предста-

вителя этой древней и почетной профессии. Вид у нее был уж больно несерьезный. Ей верили, только если она предъявляла книжки с собственной фотографией на обложке. Однако книжек у Алены сейчас при себе не имелось.

Наверное, окажись при ней не читательский билет, а паспорт, да еще и членский билет Союза российских писателей, да еще и какой-нибудь принадлежащий ее перу детектив с фотографией, она бы их предъявила и принялась бы отстаивать свои права, и вся эта чушь, в которую она вляпалась из-за дурацкого объявления, приобрела бы вовсе сюрреалистические параметры. Однако ничего с собой не имелось, а потому Алена только пожала плечами и сказала:

– Сначала вы свои документы предъявите. Может, вы дворник в автотранспортном предприятии, откуда я знаю?

Эх, кабы все дворники автотранспортных предприятий разъезжали на черных «Мерседесах», какая жизнь тогда бы началась!

– Ты чо, совсем рехнулась, слюшай? – заорал Ашот, прежде чем крепыш успел выразить свое возмущение. – Да ты знаешь, кто это? Это зам начальника городского следственного отдела УВД! Вот ты кого оскорбляешь!

Мгновение длилось молчание, которое при желании можно было назвать испуганным и ошеломленным. Алена и в самом деле была ошеломлена. Она даже растерянно оглянулась в окно на черный «Мерседес», принадлежащий, как только что выяснилось, вовсе не дворнику, а заместителю

важного лица из внутренних органов (эко словосочетание, а?! И все в пределах великого и могучего языка нашего!). У нее даже голос почему-то сел, сделался каким-то странным, сиплым.

– И давно? – спросила она этим сиплым, севшим голосом.

– Чо? – спросил заместитель.

Так...

– Я спрашиваю, давно ли вы работаете заместителем Муравьева? – откашлявшись, уточнила Алена.

Заместитель сделал головой странное движение назад. Как бы отпрянул от чего-то. Алене показалось, будто ее вопрос странным образом превратился из обычного набора звуков в очень весомый, грубый и зримый булыжник, который если и не впечатался в лоб крепыша, то просвистел в опасной для него близости.

– А вам зачем? – спросил тот, сверкнув глазами.

– А где он сейчас? – проигнорировала вопрос Алена.

– Кто?

– Да Муравьев, начальник ваш!

– А вам какое дело? – совсем уж люто набычился заместитель, однако мрачные глаза его как-то вдруг странно вильнули, и из-под коротких густых ресниц вылетел вороватый взор, который преодолел преграду в виде оконного стекла маршрутки и, перескочив через дорогу, прильнул к черному «Мерседесу»...

После этого Алена вдруг расхохоталась, выхватила из кар-

мана мобильник и нажала на какую-то кнопочку. Потом на другую. Потом поднесла трубку к уху и принялась вслушиваться в гудки, которые сделались слышны во всей маршрутке, так что любой и каждый, хоть что-то понимающий в мобильных телефонах, сразу догадался бы, что она включила динамик. А значит, разговор ее с тем человеком, которому она звонила, будет теперь слышен всем желающим в радиусе как минимум пяти метров.

Гудки длились довольно долго, но вот раздался густой мужской голос:

– Слушаю.

Выражение в голосе было странное: не то недовольное, не то удивленное, а может быть, то и другое вместе.

– Здравствуйте, Лев Иванович, – сказала Алена, и кондукторша воззрилась на нее не без изумления: таким вдруг смиренным, девчоночьим, благонаправным сделался доселе высокомерный и довольно противный голос «скандалистки». А потом кондукторша с еще большим изумлением уставилась на грозного «заместителя», который вдруг повернулся к двери и сделал попытку открыть ее... но голыми руками совершить этого было никак нельзя. Ашот же столь внимательно вслушивался в разговор, что ничего иного не замечал и не собирался помочь своему знакомому выбраться на волю. – Это Алена Дмитриева вас беспокоит.

– А, Елена Дмитриевна, сколько лет, сколько зим... – протянул густой голос в трубке. – Чем могу?

Алена отстранила трубку от уха и посмотрела на нее с сомнением.

Может, она ошиблась номером? Или у нее от потрясения начались галлюцинации? Человек, которому она позвонила, никак не мог – по определению! – разговаривать с ней таким приветливым тоном. Обычно он рычал, фыркал, задавал всякие оскорбительные вопросы типа: «Вас опять из каталажки нужно вытаскивать?» или «В какую препакастную историю вы снова вляпались?» И единственное, что доказывало Алене: она не ошиблась, позвонила туда, куда требовалось, – было то, что этот человек называл ее по имени-отчеству – Елена Дмитриевна. Имя свое, «Елена», она, мягко говоря, терпеть не могла, хотела, чтобы ее называли только Аленой, и ее собеседник знал об этом, но нарочно вредничал. Да ладно, Господь с ним!

– Лев Иванович, нельзя ли мне с вами срочно повидаться? – спросила Алена вкрадчиво.

– А что, опять труп нашли или провидите потенциальное убийство? – раздалось в ответ. – Или снова кого-то ананасом по голове навернули?

Был, был в бурной биографии нашей героини такой факт, стукнула она ананасом по голове одного человека... вернее, дважды стукнула двумя ананасами, вдребезги разбив их о его дурную башку¹... Это случилось меньше года назад, а та-

¹ Об этой истории можно прочитать в романе Елены Арсеньевой «Час игривых бесов», издательство «Эксмо».

кое ощущение, что совсем в другой жизни, потому что и сама Алена была тогда другая – счастливая, влюбленная и даже, можно сказать, любимая (местами и где-то как-то). Теперь же... Но не будем о грустном, грустного нам еще столько предстоит узнать, пока мы доберемся до конца этого романа, что успеет надоесть печалиться!

– Да нет, Бог пока миловал. Но не поручусь, что это не произойдет, – с отчетливой ноткой угрозы ответила Алена. Тут она блефовала, конечно, никакого ананаса у нее сейчас и в помине не было! – А поэтому все-таки нельзя ли мне с вами, Лев Иванович, срочно повидаться?

– Срочно, боюсь, не получится, – раздалось в ответ. – Я сейчас не в управлении. Буду там самое раннее через полчаса. А все-таки что случилось?

– Да, строго говоря, ничего особенного, – протянула Алена. – Просто у меня небольшой конфликт с вашим заместителем...

И она задумчиво уставилась в окно, начисто игнорируя ступор, в который впали другие обитатели маршрутки.

– Господи Боже! – воскликнул Аленин телефонный собеседник. – Вы что, тоже в больнице?

– Это еще почему? – изумилась она.

– Да потому, что Селиванова, зама моего, позавчера увезли в кардиоцентр с инфарктом. И, насколько мне известно, он еще там – в отдельной палате на третьем этаже. У вас тоже инфаркт?

– Опять же Бог миловал, – сообщила Алена.

– Да уж, вы у нас барышня крепкая, сами любого до инфаркта доведете, – пробурчал человек по имени Лев Иванович, – но Селиванова, прошу, не терзайте. У него и так неведомо в чем душа держится, а тут еще инфаркт да вы с вашими любимыми штучками... Нет, руки прочь от Селиванова!

– А вы ничего не путаете, Лев Иванович? – спросила Алена, оглядываясь на крепыша в черной куртке и пристально его осматривая. – По-моему, или у него нет и намека на инфаркт, или он не Селиванов!

Объект ее изучения конвульсивно задержался около дверцы, делая страшные знаки Ашоту, однако водитель тарасился на Алену, как загипнотизированный, и ничего не замечал.

– Что-то вы мудрите, Елена Дмитриевна, – раздался сердитый вздох из трубки. – У меня оперативное совещание, очень важное...

– И о-очень конспиративное, – таинственным голосом добавила Алена.

– С чего вы взяли? – насторожился ее собеседник.

– Да с того, что происходит оно не в вашем кабинете, а в черном «Мерседесе» номер... – Она чуть вытянула шею, вглядываясь в окно. – Номер я не вижу, но «мерс» стоит на площади Минина, около «Алексеевских рядов». Это что, новая явка городского управления УВД? Или ваша личная?

– Что? – рывкнула трубка. – Вы где?

– В маршрутке, напротив вашего «мерса», – сообщила

Алена и не удержалась – хихикнула, потому что уж больно грозен сделался голос ее собеседника. – Нас с вашим заместителем тут взяли в заложники и не выпускают.

Что-то громко скрежетнуло в трубке, потом утихло. И тогда «заместитель» взревел, терзая дверцы:

– Ашот! Открой, козел! Выпусти меня!

– Чо? Это кто тебе козел? – взъярился Ашот, перескакивая в салон в полной боевой готовности.

Алена, впрочем, не обращала на их крики внимания. Она смотрела в окно. В окне было видно, как дверцы черного «Мерседеса» распахнулись и оттуда выскочил человек: плотный, с седоватой, стриженной ежиком головой, в узких очках, в короткой замшевой куртке. Он держал в руке мобильный телефон.

Человек в очках устоял на маршрутку. Алена помахала ему рукой. Он зачем-то сорвал очки, потом снова напялил их, а потом кинулся через дорогу. Ему повезло – автомобили как раз замерли перед красным светом светофора.

– Ашот, откройте дверь наконец! – приказала Алена. – К заместителю прибыл его начальник. Дайте им слиться в экстазе.

Ей было так смешно, что даже в желудке колело от желания расхохотаться во весь голос.

Ашот и «заместитель», уже вполне готовые «слиться» в крепком борцовском объятии, отпрянули друг от друга, будто любовники, застигнутые на месте преступления.

– Откройте, милиция! – раздался голос с улицы.

Ашот мрачно мотнул головой. Анжела, поняв его молчаливый приказ, упала животом на мотор, перелезла на водительское сиденье и нажала на магический рычаг или кнопку. Распахнулись обе дверцы: передняя и задняя. В переднюю и вскочил человек в очках. «Заместитель» сделал было такое движение, словно намеревался улизнуть через заднюю, да угрюмо замер на месте.

– Где Селиванов? – спросил человек в очках, странно выставляя зажатый в руке мобильник и переводя его с одного обитателя маршрутки на другого, словно выцеливая их. Почему-то создавалось отчетливое ощущение, что он держит в руке пистолет. – А ты что здесь делаешь, Павел? Здравствуй-те, Елена Дмитриевна!

– Здравствуйте, Лев Иванович, – со вздохом отозвалась та. – Правда, мы уже здоровались сегодня, а главное – я же просила вас не называть меня Еленой!

– Ладно, переживете, – буркнул Лев Иванович. – Так что здесь произошло? Кто тут деньгами бросался?

Алена, приподняв брови, обвела взглядом Анжелу, снова взгромоздившуюся на мотор, Ашота и «заместителя», которого, как нетрудно было догадаться, звали Павлом. Все трое являли собой более или менее неподвижные соляные столбы.

– Ну? – рявкнул Лев Иванович, теряя терпение. – Кто деньги разбросал, спрашиваю?

Алена молчала. Ашот молчал. Анжела тоже.

— Да вот, девушка... нечаянно уронила... — выдавил из себя наконец Павел, махнув рукой на Анжелу. — «Пазик» резко затормозил и...

— А чего резко тормозите? Тормоза, что ли, неисправны? — проворчал Лев Иванович. — Да что тут происходит, в конце концов? Чего вы мне все голову морочите?

Алена пожала плечами. Боже ты мой, до чего ж мужики нынче слабые пошли... На Ашота и Павла было невыносимо смотреть — такой ужас изображался на их физиономиях, такая подавленность. Анжела чуть не плакала, но ей хотя бы простительно, слабая женщина, что с нее возьмешь...

Да, ребята, вляпались вы по крупной! Где вам было знать, что ваша жертва и начальник следственного отдела городского УВД — боевые, можно сказать, товарищи! Пусть их объединяет взаимная неприязнь, однако они знают друг другу цену. Конечно, гордая Алена скорее застрелится, чем вслух признается в том уважении, которое испытывает ко Льву Ивановичу Муравьеву. Ведь он ее пару раз натурально вытащил из-под пуль! Прикрывал своей грудью... или спиной, она точно не помнит, не до деталей было в тех крутых разборках. Он-то ее, понятное дело, терпеть не может, идиоткой считает...

Да ладно! Переживем!

Тем временем Анжела сползла-таки с мотора и принялась собирать мелочь. Ашот истово помогал ей. Все смотрели на

них. Когда водитель коснулся скомканного объявления – того самого, из-за которого весь сыр-бор разгорелся, – Алена протянула руку.

Ашот, уставясь в пол, покорно вложил в ее ладонь бумажный комочек.

– *Donnez-moi*, – сказала Алена почему-то по-французски (это было большое ее увлечение – французский язык; а также она сильно увлекалась танцами вообще и аргентинским танго в частности... ну и танцорами, было дело, увлекалась... теперь это прошло, к счастью... К счастью ли и прошло ли?). – Это мое. Все, до свиданья, господа, я пошла в библиотеку.

Ашот поднял на нее недоумевающие глаза. Ну да, он, конечно, был уверен, что Алена немедленно начнет на него стучать своему высокопоставленному знакомому, а значит, остаток жизни бедный водила проведет за решеткой. А Павел уже начал размышлять, выгонят ли его с работы с треском или позволят написать заявление «по собственному желанию».

Нет, ребята. Существует, конечно, такой принцип – падающего толкни, но он никогда не принадлежал к числу тех, которые исповедовала Алена Дмитриева. Наоборот, ей была по душе другая фраза: «И милость к падшим призывал...» Опять же – ненавидела она выяснять все и всяческие отношения, особенно с людьми, которые не умеют говорить на правильном русском языке!

Поэтому Алена молча шагнула к ступенькам, не намереваясь ничего объяснять, сводить какие-то счета... Не для нее все это!

– Как пошла? – прищурился Лев Иванович. – В какую еще библиотеку?! Устроила тут, понимаешь... меня вызвала... Пашка, говори, что тут произошло, а?

– До свиданья, Лев Иванович. Приятно было снова встретиться с вами, честное слово, – упрямо сказала Алена.

Муравьев убрал мобильник в карман, постоял, о чем-то думая.

– Ну, коли так, пошли, – наконец кивнул он. – Библиотека ваша вон там, я правильно понимаю? Идемте, хоть дорожку вместе перейдем, если разговаривать со мной не хотите.

Он проворно выскочил из маршрутки и подхватил Алену под руку. И так, крепко держа, подвел спутницу к перекрестку, дождался зеленого сигнала светофора и перевел через дорогу. Павел убито тащился в кильватере.

– Значит, так и будете молчать? – спросил Муравьев, когда они поравнялись с «Мерседесом».

Алена только вздохнула: вот, мол, пристал... А в следующее мгновение он нагнулся, нажал на ручку дверцы – и тотчас Алена ощутила, как Муравьев сильно толкнул ее в бок, да как-то так ловко и профессионально, что она и не хотела, а оказалась сидящей на заднем сиденье «мерса». Какой-то человек, уже находившийся там, поддержал ее – лицо у него было изумленное.

– Что такое?.. – пролепетала Алена возмущенно, но ее оборвал крик Муравьева:

– Ноги подбери!

Она машинально послушалась, и Муравьев с силой захлопнул дверцу.

В следующее мгновение Лев Иванович вскочил на переднее сиденье. За рулем моментально оказался Павел, вставил ключ в стояк, покосился на Алену злорадно:

– Ага! Попалась, скандалистка! Куда мы ее повезем, Лев Иванович? В Нижегородский райотдел? Или по месту жительства?

– Притормози, Паша, – бросил Лев Иванович, обращаясь всем корпусом назад. – Никто никого никуда не везет, во всяком случае, пока. И вообще, наш с тобой разговор еще впереди.

Павел увял.

– Ну что, Алексей, на ловца, как говорится, и зверь бежит, – продолжил Муравьев. – Это она и есть, та самая, про которую я тебе говорил.

Говорил? Кому это, зачем и что Муравьев про нее говорил, интересно знать?!

Алена сердито уставилась на соседа. Причем получила от этого удовольствие – мужчины такого типа ей всегда нравились. У него не только имя очень красивое – он сам хоть куда! За сорок, даже далеко за сорок, худой, элегантный, волосы русые, со щедрой сединой, глаза голубые, ясные, черты

чеканные, лицо умное и ироничное... Он был вроде высокий, в сером плаще.

Алена мысленно вздохнула. И мужчины такого типа ей нравились, и она им, и порою встречались они на ее пути, но она как-то умудрялась... пропускать их мимо себя, что ли. А может, сама мимо них проскальзывала в погоне за призраком другой любви. Вот так уж исторически у нее складывалось!

Да и ладно, что же делать! Знать, судьба такая...

– Слышал? – настойчиво повторил тем временем Лев Михайлович. – Это *она*!

– Да я уж понял... – пробормотал Аленин сосед. – Только ты как-то уж больно круто за дело взялся.

– А с ней нельзя иначе, – беспечно сообщил Лев Иванович. – И тебе придется быть с ней покруче. Вообще, по-моему, для тебя самое лучшее – на ней жениться. И ввести новую моду – жениться не на моделях, а на умных женщинах. Кстати, у нее ноги тоже от ушей, так что ты ничего не потеряешь.

Нижний Новгород, минувшая зима

Ветер поднимал его все выше. Ветер был студеный, он звенел льдинками, словно шаман – своим бубном. И звон этот сливался в невыразимой красоты мелодию, заполнявшую голову. Мелодия владела его сознанием, мелодия владела всеми его помыслами. Она требовала, принуждала, она застав-

ляла, влекла... о нет, не навверх! Мелодия заставляла спуститься вниз, уйти со стройки, преодолеть промороженные, ночные улицы... дойти до просторной площади, посреди которой стояла елка, сияющая огнями, позади елки были ворота кремля. Нужно было войти в ворота, подойти к зданию... а он часто входил в это здание, но только днем. Он любил его, словно храм какой-то, не видел ничего красивее того, что таилось внутри этого храма! Он бы подчинился мелодии, которая влекла его туда, но не мог. Нет – ни за что не должен был этого делать! Мелодия влекла отнюдь не наслаждаться красотой, а разрушать ее. Он почувствовал, что правая кисть его конвульсивно сжимается, словно в ней был нож.

Ножа не было. Нож был ему нужен, но он не хотел, нет, не хотел...

Мелодия разрывала его надвое. Как просто – подчиниться, послушаться, пойти туда, сделать то, что диктует звенящая, льдистая мелодия.

Как невыносимо сложно – послушаться. Кажется, умрешь от этого... Но лучше умереть, чем сделать то, чего требует музыка.

Он запнулся о гору досок, на миг боль в ноге отрезвила его. Мелодия, чудилось, притихла, сдалась.

О, какое облегчение уму, сердцу! Словно бы с него сняли некие путы.

Силясь перевести дух, наслаждаясь спасительной болью, он подошел к проему окна.

Черная ночь смотрела в глаза. Черная, расцвеченная разноцветными огоньками ночь. Словно впервые, словно некое откровение на него снизошло, и он осознал, что нынче – не простая ночь, а новогодняя. Огни елок горят в квартирах, и он смотрит в окна, словно в чужие, сверкающие радостью глаза.

Там люди. Они живут и не думают о смерти, а он...

Музыка... Музыка вновь властно вторглась в сознание, и вновь ужасом стиснуло сердце.

Музыка звала вниз. Он должен спуститься по той же неудобной, недостроенной лестнице, по которой поднялся сюда, он должен пройти промороженными пустыми улицами...

Он должен уничтожить...

Сначала – спуститься.

Сначала – вниз.

Как высоко... Как темно и страшно.

Надо подчиниться музыке. Музыка зовет вниз...

Он шагнул в проем окна и полетел вниз с высоты восьмого этажа.

Нижний Новгород, наши дни

– Алло, Алена? Привет, это Алексей.

– Добрый день...

– Какой там день, уж вечер давно.

– Да, верно, я тут несколько... заработалась. Выпала из

реальности.

– Надеюсь, не настолько, чтобы забыть о нашем уговоре.

– Я бы рада, но не получается. Хотя не понимаю, если честно, как это Лев Иванович смог меня вовлечь в вашу авантюру! Я на многое готова ради интересного сюжета, но чтоб такие крайности...

– Я, наверное, еще больше вашего удивляюсь, что согласился на это. При том, что взаимно жарких чувств между нами вроде не наблюдается... Или наблюдается?

– Вы на любовь с первого взгляда намекаете?

– Ну да.

– А вы сами как думаете?

– Я хочу от вас услышать.

– Очень тактично с вашей стороны. Ну а с моей стороны, извините, есть пока только огромный интерес к самой истории... ну и к вам, конечно.

– Да и вы мне очень интересны. И вы очень красивы, конечно. Однако в штатной ситуации я бы, пожалуй, не решился вот так, с бухты-баракты, делать вам предложение. Тем паче что я как бы влюблен в другую... Но уж коли мы в ситуации нештатной... Вы мне нравитесь, словом, но...

– Я рада, что наше отношение друг к другу, не побоюсь этого слова, адекватно. Кстати, мы оба, да и Лев Иванович, не подумали о том, как наш временный альянс отразится на ваших личных отношениях.

– Ну, с ними я уж сам как-нибудь разберусь.

– Да, извините. Я, конечно, не должна была простирать свою заботу о вас настолько далеко. Извините.

– Да ничего, вы меня извините, если был резок.

– А вы уже сообщили семейству радостную весть?

– О том, что в оном семействе намечается прибавление?

Да сообщил...

– У вас очень выразительный голос.

– Что?

– Я имею в виду, что по вашему голосу вполне можно понять реакцию вышеупомянутого семейства.

– Нет, уверяю вас, тут никакой моей выразительности не хватит. Первый раз услышал, как дочка матерится.

– Дочка? Да, это круто...

– Главное, все можно было выразить простыми словами и гораздо короче: «Если бы ты на дуре Юльке женился, то еще как-то понять можно было бы, она хоть красотка, а то на какой-то...» Извините, это как бы цитата...

– Да ничего страшного, вы продолжайте, не стесняйтесь.

– Нет уж, я лучше постесняюсь. Одно скажу: я мигом вспомнил ее маменьку покойную. Вот бы порадовалась, сказала бы: «Ну вся в меня девочка! Моя дочь была – моей и осталась!»

– Понятно. А кстати, если не секрет, отчего ваша жена умерла? И когда? Извините, конечно, если мой вопрос покажется вам чрезмерно бесцеремонным...

– Да нет, почему, вы вправе это знать. Только интересно,

какого ответа вы от меня ждете? Как в том анекдоте: «Грибочков поела»? Или наоборот: «Грибочки есть не хотела, от того и умерла»? Нет, произошел совершенно нелепый случай, из тех, которые принято называть несчастными. Вдовцом я стал полтора года назад. Лариса пошла в подвал за картошкой... Да, понимаю, что вы сейчас подумали: неужели мужчины в доме нет, что бедная женщина должна сама идти в подвал за картошкой? Да, если честно, меня в тот подвал месяцами не загнать было, хозяин и помощник я никуда не годный. И в то время, когда Лариса пошла за картошкой, меня тоже не случилось дома...

– А вы где находились, позвольте полюбопытствовать?

– «Узнают коней ретивых по каким-то там таврам...» А по каким, кстати?

– «По их выжженным таврам».

– Вот именно. Коней – по таврам, а детективщиков – по вопросам! Но давайте все по порядку. Короче, пошла Лариса в подвал, набрала картошки, а выходя, поскользнулась на одной из них, давно, видимо, из ящика выпавшей и подгнившей, расквашенной, упала – и затылком об угол ящика. Ящик был очень тяжелый, не просто дощечки сбитые, а на совесть сколоченный старый сундук, окованный железом. Когда мы в этот дом переехали, он нам от прежних жильцов остался. Сдвинуть его с места было никак нельзя, вот мы и стали использовать его для картошки. Ну, короче, она упала затылком на его угол... Так я ее и нашел.

– Вы нашли?

– Ну да. Пришел домой – никого. Ужина нет, вообще конь не валялся... Не похоже на жену, она была очень хорошая хозяйка. Каковы бы ни были наши отношения, никогда не отменялось святое правило: встречать меня за накрытым столом, причем все всегда по высшему разряду – вилки-ножи для каждого-всякого блюда, салфетки... Я удивился и забеспокоился. Тут Галя, дочка, позвонила. «Позови маму», – говорит. Я – так, мол, и так, мамы нету и вообще... А я еще когда вешал куртку в шкаф, мимоходом обратил внимание, что плащ Ларисин – вот он висит, туфельки ее любимые стоят, а нету растоптанных кроссовок, хозяйственных, так сказать, и старой куртки. То есть я это заметил, но мельком, говорю, у меня голова была тогда занята всякими проблемами, я свой бизнес продавал и в хлопотах света белого не видел. «Как это мамы нет, – говорит Галя, – она еще час назад ушла в подвал, за картошкой. Мы с ней вместе выходили, я в институт шла, у нас сегодня занятия с трех часов. Может, – говорит, – она ключ от квартиры забыла или потеряла и сидит теперь у какой-нибудь соседки? Но тогда почему не позвонила тебе или мне на мобильный?» – «Откуда я знаю, – говорю, – почему она не позвонила? Ладно, – говорю, – схожу я в подвал и посмотрю, что там и как. Может, дверь изнутри захлопнулась или еще что...» Но это я говорил скорее для того, чтобы Галю успокоить. Она в тот несчастный подвал никогда не ходила и знать не знала, какие там замки. А я знал: нечему

там было захлопываться, надо было замок навешивать, чтобы дверь запереть. Я уже словно чувствовал, что увижу, что найду...

– А вас не...

– Ну, продолжайте.

– Нет, извините, это дурацкий, бестактный вопрос.

– Да, конечно, но я все прошел.

– Что?

– Я просто отвечаю на ваш дурацкий и бестактный вопрос.

Вы ведь хотели спросить, не подозревали ли меня в убийстве Ларисы? Да, я прошел этим тернистым путем... Когда я вызвал к Ларисе «Скорую», они вызвали милицию, а те первым делом повязали вашего покорного слугу и под белы ручки поволокли в узилище... Лариса умерла, как сочли эксперты, за час до моего появления, однако от меня требовали удостоверить свое алиби на то время. А я не мог этого сделать!

– Почему? Алиби не имелось?

– Имелось оно, но человек, который его мог засвидетельствовать... Дело в том, что я находился... у любовницы.

– У Юли, да?

– Нет, в то время я встречался с другой женщиной. Она была замужем, и я не мог назвать ее имя. Причем не только потому, что не хотелось подставлять ее, ломать ее жизнь. Если бы я признался в том, что был с любовницей, я бы самого себя подставил совершенно определенно, без всяких сомнений. И без того некоторые соседи сочли долгом сообщить,

что жили мы с женой, мягко говоря, не дружно. Одна наша соседка, старая стерва, лезла буквально во все дела, когда надо или не надо... А Лариса была женщина... эмоциональная, скажем так. Я-то не слишком люблю выяснять отношения...

— Я тоже.

— Ну вот, хоть в чем-то сходство между нами обнаружено, глядишь, *наш брак* будет-таки удачным! Словом, иногда у нас с женой случались довольно-таки громогласные скандалы, во время которых Лариса вылиwała на меня... ммм... ну очень большие ушаты помоев. Она вечно была чем-то недовольна: денег мало, фирма моя доходов не приносит... И тем не менее! Множество людей швыряют друг в друга сковородки, многие женщины считают мужей плохими, просто никакими добытчиками, но это не значит, что они рано или поздно убьют друг друга. Я вообще не пойму, почему тот следователь так упорно пытался разрабатывать версию убийства, ведь налицо были все приметы несчастного случая. И чего он ко мне прицепился? То есть если бы я подтвердил алиби, он, наверное, смирился бы, а так все копал, копал и копал. И вырыл бы мне могилу, точно. Он был парень вредный, въедливый, дотошный и с богатой фантазией. Я, кстати, знал одного человека, которого он чуть не посадил за убийство любовницы (тоже все выглядело не в пользу подозреваемого), но потом, надо отдать ему должное, сам же нашел доказательства его невиновности.

— А кто этот следователь? Не Бергер ли Александр Васи-

льевич?

– Он самый, угадали... А вы знакомы с ним, что ли?

– Нет, просто та история была громкая, я читала о ней. Григорий Охотников, Римма Тихонова... Да, страшно эта Римма своего любовника подставила, очень умная, очень коварная была женщина. И очень несчастная, судя по всему...² Ну и как обошлось у вас с Бергером?

– Честно?

– Ну да.

– С помощью волосатой руки, так сказать. Как стало совсем неважно, я вспомнил: а ведь когда-то учился в одной школе с человеком, который носил в ту пору прозвище Муравьиный Лев, а теперь сделался Львом Ивановичем Муравьевым, начальником следственного отдела городского УВД...

– Бог ты мой! До чего же тесен мир!

– В каком смысле?

– Да в том, что со Львом Ивановичем кто только не учился вместе! Мои соседи по дому Сан Саныч и Татьяна Андреевы, например. Правда, они в другом подъезде живут, но роли не играет.

– О, Андреевы ваши соседи? Вы тоже на Ижорской живете? Потрясающе. Мир и правда тесен. Ну, Санька-Танька (мы их так называли когда-то) с Левой очень близкие дру-

² Об этой истории можно прочитать в романе Е. Арсеньевой «Последняя женская глупость».

зья, они со школьных лет не разлучались, все это время поддерживали между собой отношения, почти как родственники стали. А я держался в стороне от прежних привязанностей. Мы никогда не встречались семьями, ни Левка моих дочь и жену не знал, ни я – его... И, если честно сказать, я не слишком-то верил, что Лева меня вспомнит. Нет, конечно, вспомнит, думал я, куда ж он денется, просто не слишком верил, что он захочет мне помогать. И, в общем, не могу сказать, что он все решил одним звонком. Просто пообещал разобраться – и разобрался. То есть я ему про алиби про свое сказал, и он меня по-мужски понял, почему я молчу, почему имя женщины скрываю...

– То есть Лев Иванович на Бергера надавил, я так понимаю?

– Да нет, просто окоротил его малость. Спросил, почему он вдруг прямо-таки методы Вышинского ко мне применяет, требует доказательств моей невиновности. А ведь теоретически ситуация при расследовании всегда должна трактоваться в пользу подозреваемого...

– А какая была ситуация?

– Двойной удар.

– Pardon?

– В общем, экспертиза установила, что Лариса ударилась головой дважды.

– Это как?

– Да вот так уж как-то. Я лично полагаю, что она сначала

ударилась, но то ли сознания не потеряла при этом, то ли очнулась вскоре – и попыталась приподняться. Там в пыли отпечатки ее ладоней были, она опиралась на ладони... Может быть, она даже встала, но тотчас вновь лишилась сознания и снова упала – на тот же роковой угол. Но Бергер почему-то решил, что я нашел ее живую и добил.

– Да вы что?!

– Именно так он и считал.

– Но время смерти... и время вашего возвращения...

– А ему такие «мелочи» были безразличны. Он почему-то бил себе в голову, что я вернулся раньше, и стоял на этом, как пень. Никаких – ну никаких! – доказательств моего раннего возвращения не было и быть не могло.

– Но следов, конечно, в том подвале ваших нашлось несчетно, правда же? И отпечатков пальцев...

– Точно подмечаете. Очень точно. Я ведь когда около мертвой жены метался, не думал, что делаю, куда ступаю, за что хватаюсь...

– Да, тяжелая история. Я вам очень сочувствую, Алексей. Мало того, что жену потеряли – как бы вы ни жили: плохо ли, хорошо ли, смерть всегда потрясение! – да еще доказывать пришлось, что не вы ее прикончили жестоко и безжалостно... А как ваша дочь ко всему, о чем на следствии говорилось, относилась?

– А как она могла относиться? Очень переживала. Она даже заболела тогда от потрясения. И к нам стала ходить ее

подруга, навещать ее. И ту подругу звали Юлей. Я ее раньше не знал, знаю точно, девчонки подружились, кажется, на занятиях аэробикой – Галя туда ходила, чтобы похудеть. Она у меня такая была... пампушечка, прелесть, а теперь тощая стала до нелепости. Ну а потом и мы с Юлей... тоже подружились. Как-то само собой все вышло.

– Вы из-за Юли расстались со своей прежней подружкой? Ну, с той, которую не хотели выдавать даже ради алиби?

– Пожалуй, нет. На нас эта история очень повлияла. Та женщина сильно тревожилась за меня, но еще больше беспокоилась, чтобы я о ней не проболтался. В конце концов мы расстались. Она вообще уехала вместе с мужем, они теперь в Питере живут.

– Ну ладно, Бог с ней, ваша личная жизнь – вообще не мое дело. И ваше прошлое меня никак не касается. Поговорим о настоящем. Наверное, если следовать правилам игры, в которую мы согласились играть, вы должны представить меня вашему семейству. В смысле – дочери с ее женихом. Не поймите меня превратно, я не навязываюсь, но как иначе я смогу в чем-то разобраться, если ваших близких в глаза не видела?

– Ну, близкие мои тут вовсе ни при чем.

– Секундочку! Лев Иванович совершенно точно говорил мне: вы, мол, жаловались, что даже дочери своей не верите. Может быть, вы так сказали ради красного словца, однако я теперь должна во всем убеждаться сама.

– Назвался груздем, да?

– Что-то в этом роде. Я девушка ответственная.

– Ну и любопытство психопатанатома гложет? – хохотнул мой собеседник.

– Психо... А, понимаю. Психологическая патологоанатомия... Хорошенького же вы мнения обо мне! А впрочем, вы где-то и как-то правы. Все писатели в той или иной степени – психоаналитики и патологоанатомы в одном флаконе... Но Бог с нами, с черными воронами. А наши с вами дальнейшие действия все же каковы? Будем представляться?

– Видимо, да, придется... А вы не боитесь, что Галка вас побьет? Или, что еще хуже, на смех поднимет?

– Слушайте, Алексей, вам не стыдно, а? Мы с вами боевые товарищи, конечно, но я все-таки женщина... И, знаете, несмотря на мой *преклонный* возраст, довольно красивая женщина. Во всяком случае, многие мне это говорили и говорят. А если вы думаете иначе, какого черта было заваривать эту историю? В принципе, еще не поздно все послать сами знаете куда. В шапку с ушами!

– Не понял...

– В одном из писем Вяземскому насчет женитьбы Боратынского Пушкин назвал жену чем-то вроде законной шапки с ушами. Понятно теперь?

– Мать честная... Крепко сказано. Слушайте, есть такое слово... забыл... ну, которое удобочитаемый синоним какой-нибудь непристойности... Эхо... эфа...

– Эхо в лесу или в горах отвечает, а эфа – змея, в пустынях обитает, очень ядовитая. То слово, которое вы забыли, называется эвфемизм. Да, вы совершенно правы, шапка с ушами – именно что гениальный эвфемизм для обозначения того самого места, куда я предлагаю послать наш с вами уговор о совместной деятельности. В конце концов, никаких учредительных документов о создании псевдобрачного союза «Алексей плюс Алена инкорпорейтед лимитед» мы не подписывали. Так какие могут быть проблемы?

– Да ради Бога, Алена, что это вы так раскипятились? Я совершенно не хотел вас обидеть!

– Хотели, не хотели... Ладно, я не сержусь. Я понимаю, что такое мужское эго и как оно искрит, если начинает зависеть от помощи женщины.

– Ладно, хватит переливать из пустого в порожнее, ходить вокруг да около. Когда вы сможете к нам приехать?

– А когда пригласите... Скажем, вечер вторника у меня свободен.

– Хорошо, ориентируемся на вторник. Я сегодня же уточню, как работает Ванька, Галин жених. Единственное, что может нам помешать, – если он окажется занят. Хотя, думаю, Иван уже освободил себе этот вечер.

– Почему? Неужели ваш будущий зять провидец и раньше нас с вами знал, когда произойдет наше знакомство?

– Никакой он не провидец. Просто во вторник... А скажите, вы этот вечер спонтанно назвали, ни с того ни с сего,

или по какой-то особой причине?

– Так просто, потому что он у меня свободен. А что?

– День рождения у меня во вторник, вот что. А может, вы у Льва Ивановича заранее кое-что обо мне выяснили, а, Алена?

– Спросите у него, выяснала я или нет. Не более чем совпадение, клянусь!

– Хорошо, тогда я вам еще позвоню насчет конкретного времени, буквально завтра. Договорились? Мобильный свой вы мне давали... Да, вот он, на вашей визитке. Ну, тогда до звонка?

– До звонка!

Москва – Нижний Новгород, 1880 год,

из писем Антонины Карамзиной

«Николашечка, вот и я, тебе пишу. Здравствуй, братец! Как ты там? Впрочем, прости, оставляю обязательные вопросы о житье-бытье, о нем мы и при встрече поговорить можем. А сейчас... Ну, ты уже понял, что раз получил это письмо, значит, мне удалось... Мне удалось, удалось! Он захотел меня выслушать!

Но ты просто представить себе не можешь, сколько сил мне потребовалось, чтобы до него добраться, к нему прорваться и склонить его на разговор! А теперь такое ощущение, что получилось все как бы само собой. Честно говоря, я думала – он такой суровый, такой сдержанный человек, совершенно чуждый всякой дешевой галантерейности.

Нет, нет, конечно, это не те слова, я даже готова их вымарать сейчас! Скорее тут можно вести речь о галантности. Я думала, мой дурацкий курносый носик и легкомысленные кудряшки только испортят все дело, а потому для первой встречи вырядилась самым суровым образом. Ты и представить себе не можешь, какова я была! Видел бы ты мой шапокляк... мое пенсне... видел бы жакетку... по сути, это был стюртук одного из моих московских приятелей-художников... Сам он предпочитает носить этакую блузу, бархатную, весьма авантажную, а также бархатный бэрэт на неистовых соломенных кудрях... А цивильную, презираемую одежду ссудил по доброте душевной одной твоей знакомой авантюрьерке.

Это они меня так здесь называют – авантюрьерка. Как видишь, по их мнению, я даже до названия авантюристки еще не доросла, так, подвизаюсь где-то в пригостишках... Теперь-то они все прикусили языки, ехидны!

Ну вот, короче говоря и говоря короче, приятели мои московские таскали меня за собой в академические классы, где можно было повстречать В.М., таскали, и даже порою удавалось издала его увидеть, однако вокруг него немедленно возникал такой круговорот человеческий, что ни в сказке сказать, ни пером написать, ни сквозь сии пенистые волны пробиться. Как-то раз я все же успела, наглости набралась – пискнула тонким голосишком, мол, имею что предложить для воплощения вашего нового замысла, мэтр! Да где там,

он меня не слышал... Хотя нет, слышал: бросил взгляд мимолетный, этак брезгливо (вот те крест, Николашка, не лгу, разрази меня гром!) поморщился, завидя мой шляпедрон, — и отворотился поскорей в сторону.

Ты, конечно, сказал бы, что всякая нормальная женщина на моем месте немедленно поняла бы, в чем дело. Но ведь я — не нормальная женщина, я сумасшедшая, я книжный червь с бантиком, как ты меня называл... Словом, до меня даже не дошло, в чем моя ошибка! И неизвестно, сколько времени я еще зря даром потратила бы, когда бы не случай. И это свидетельство того, что я права, права, целых сто раз права была в своей настойчивости, коли Провидение мне помогло, пусть и при обстоятельствах самых неожиданных!

Но продолжаю. На другой день после вышеописанного афронта классов не было, и мы с моими друзьями решились поехать в Сокольники. Погода, природа, веселый май, чаруя, мает души... травка зеленеет, солнышко блестит, ласточка с весною в сени к нам летит... так сказать, выбрались на пленэр. А может, на пикник. Не суть важно, что планировалось, поскольку не удалось ни то, ни другое. Сошли, стало быть, мы с извозчика (нас было пятеро, ты только вообрази, как набились в экипаж, да еще с корзинками, да с этюдниками!), побрели искать подходящую полянку, чтобы и скатерть-самобранку разложить, и этюдники пристроить, да чтоб к тому вид, непременно чтобы вид бы подходящий, вполне достойный изображения на этюдах будущих

знаменитостей мира искусства. Ну, я... Со мной все ясно, я только рисовальщица, к тому же не очень способная – меня другое интересует, ты сам знаешь, умение рисовать нужно мне лишь для того, чтобы в точности копировать те волшебные, чарующие знаки, которые с некоторых пор составляют смысл моего существования. Но среди тех, кто был со мной, среди моих приятелей ты, быть может, вскорости увидишь истинных гениев! Правда, беда, что иных из них от искусства влекут всякие глупости, о которых и говорить, и писать неприятно и даже опасно. Да, зараза нигилизма проникла глубоко, разъела самые светлые души... Я, конечно, молчу о своей патриархальности, скрываю ее, как могу, она нынче считается признаком отсталости, я строю из себя новую женщину, но в глубине души мне иногда бывает страшно – так страшно за них, за друзей моих, и до того неприятно, что реализм в искусстве, всеми столь превозносимый и почитаемый, кажется мне порою даже не методом искусства, а средством борьбы идей, борьбы политической, далекой от живописи, вредной...

Но ладно, ладно, ладно, я все время увожу разговор в сторону, об этом можно и при встрече, а сейчас о главном! Итак, мы шатались по лесу и наконец выбрались к чудной лужайке. Где-то неподалеку журчал ручеек, трава была не трава, а самая настоящая мурава со множеством одуванчиков. Мы немедленно раскинули наши пледы и плюхнулись навзничь, уставясь в небеса. Жаворонок звенел где-то вы-

соко-высоко, солнышко пригревало, всех немедленно потянуло ко сну... видимо, от переизбытка спокойствия и благодати. Никому уже не хотелось ни пить, ни есть, ни прогуливаться, ни – тем паче, увы, тем паче! – возиться с этюдниками, кистями, палитрами... Кажется, мы все хором уж начали задремывать, и вдруг... словно гром средь ясного неба раздался голос:

– Ба, знакомые все лица!

Мы подскочили, как ужаленные. Что ж видим? В.М. собственной персоною! В светлом чесучовом пиджаке, в косоворотке, при соломенной шляпе и трости, вальяжный – ну спасу нет никакого, ничутьточки не похожий на того подвижника, образ коего в моем восприятии уж сложился к тому времени благодаря рассказам моих друзей и нескольким встречам в классах. В нем сейчас все улыбалось: и глаза, и губы, и борода с усами... Мы все повскакали на ноги. Его благожелательный взгляд облетел нас, словно имель – полянку тянущихся к нему цветов. Потом с каждым из молодых людей В.М. поздоровался за руку.

– А эта красавица кто же? – спросил он, когда дошла очередь и до меня. – Вы чья модель? Нет, я назвал бы вас не моделью, а музою! Отчего я не имел чести быть представленным сей музе, господа?

Меня наперебой кинулись рекомендовать. Господа друзья мои сделали все, чтобы выставить меня в самом кошмарном свете перед своим мэтром. Я и женщина-ученый,

я и надежда русской исторической науки, и первооткрывательница доселе погребенных под прахом столетий таинственных славянских рунических знаков... словом, сами Шлиман и Снурри Стурлсон передо мной просто дети малые! Темно-карие и довольно узкие глаза В.М., по мере того как он внимал сим неумеренным панегирикам, становились все больше и больше. Наконец он взмахом руки остановил восторженное жуужжание моих друзей и поклонников и продекламировал:

– «Не дай мне бог сойтись на бале иль при разъезде на крыльце с семинаристом в желтой шали иль академиком в чепце!»

Все так и покатались со смеху: и впрямь, Пушкин здесь был чрезвычайно уместен. Одной мне было не до веселья. Я даже описать тебе не могу, как озлилась! Я пыхтела, как паровоз! И, видимо, Виктор Михайлович понял, что обидел меня.

– А впрочем, – сказал он, – я в три тысячи раз охотней приму совет от хорошенькой эсеницы... вернее, красавицы, истинной красавицы, такой, например, как вы, чем от какой-нибудь строго научной уродины. Вчера в классах ко мне пыталось прорваться тако-ое пугало женского, вернее, среднего рода, что, даже держи оно в зубах портфель, набитый всеми тайнами Тициановой и Рафаэлевой живописи, всеми секретами великого да Винчи, я не подпустил бы это существо к себе! Видели б вы его шапокляк, его стюртук, гос-

пода! А пенсне, пенсне, господа!

«Господа» сызнава покатались со смеху, припоминая, как старательно я маскировалась. И забыв, что они сами мне очень живо помогали и сами снабдили меня и гардеробом, и реквизитом, тем самым пресловутым пенсне!

— А от вас, — весьма игриво сказал В.М., не сводя с меня глаз, — я готов выслушать даже лекцию на самую что ни на есть научную тему. Например... ну, скажем, так: «Высота каблучка бальной туфельки по сравнению с высотой каблучка туфельки для прогулки». Или вот еще хорошая тема: «Роль шелковых зонтиков в солнечный день для сохранения обворожительной белизны женского личика».

Не могу передать тебе, какая ярость овладела мною!

— А не желаете ли вы, сударь, выслушать лекцию на тему о том, какова должна быть изнанка у вашего знаменитого ковра, который вы пишете по заказу господина Мамонтова? — дерзко спросила я и немедленно изложила свою теорию, не дав В.М. и слова молвить.

Ну да, он выслушал меня... полагаю, лишь только потому, что был ошеломлен донельзя, и даже не нашелся от неожиданности что возразить.

Но самое поразительное, Николашечка, что и потом он со мной не стал спорить! Он пригласил меня в свою мастерскую!

Может быть, он со мной согласится?»

Нижний Новгород, наши дни

Алена осторожно потрогала ручку дверцы. Потом повертела ее. Напрасно, дверца не открылась. Это уже становилось привычным в ее жизни! Ополчились на нее дверцы, вот что! А почему, кто бы объяснил?

– Если вы пытаетесь опустить стекло, то крутите в другую сторону, – сказал Алексей, исподтишка наблюдавший за ней. – А если собираетесь выйти, то ручка двери – чуть ниже и правее. А лучше подождите, я вам помогу.

Он обошел автомобиль спереди – видно было, как в свете фар элегантно размахнулся его серый плащ, таким почти понтийпилатовским вихрем взвился, жаль, без кровавого подбоя, – и распахнул дверцу около Алены. Подставил руку:

– Прошу вас, *моя дорогая*.

– Спасибо.

Алена выбралась из машины с некоторой неловкостью и уверила себя, что проистекла сия неловкость исключительно от того, что она опирается на мужскую руку. Слишком привыкла наша героиня во всем в жизни и всегда полагаться на себя, в том числе – и выходя из машины. Хотя из этой «Мазды» со слишком низкой посадкой всяко нелегко выбираться, что самой, что с посторонней помощью.

Наконец-то Алена утвердилась на ногах. Огляделась...

Итак, вот здесь живет ее типа *дорогой*. Условно говоря, жених. Перед ней один из многочисленных новых домов, из

так называемых нижегородских «элиток», выстроенных из жуткого материала радикально непристойного цвета, напоминающего саманный кирпич или детскую, pardon, неожиданность, с вкраплениями свекольного оттенка, призванными внести оживляж, но усугубляющими унылость картины. Архитектура сия... нет, это слово здесь просто неуместно. Современный вариант унифицированной хрущобы. Таких в Нижнем теперь понастроено – глазом не охватишь! Впрочем, домики чистенькие, аккуратненькие, квартиры в них изрядно дороги, люди, которые здесь поселились, моментально ощутили себя причастными к звону больших денег и как бы *избранности*... Да на здоровье, пусть живут и будут счастливы. Алена сама себя укорила: может, ты просто из зависти брюзжишь, барышня? Ты-то обитаешь в «сталинке» 1958 года издания... А, ну да, в твоей «сталинке» есть душа! Но кто знает, может, и в этих «элитках» спустя почти лет пятьдесят обнаружится душа или хотя бы намек на нее?

Душа-то в них, может статься, и обнаружится, но уж точно – не подвал для хранения картошки и прочей ерунды. Полтора года назад Стахеевы (то есть кабы Алена и впрямь выходила замуж за Алексея, ее фамилия сделалась бы тоже – Стахеева... очень мило, нет, право, о-очень миленько, но все же хорошо, что этот брак изначально обречен остаться фиктивным) жили в совершенно другом доме – кстати, не столь уж далеко от пресловутой Алениной «сталинки», на Ковалихе. Прежде у них была самая обычная хрущоба, в кото-

рой хоть и совмещены туалет с ванной и практически потолок с полом, однако имелся подвал для сохранения припасов. Правда, разве возможно что-то сохранить в этой влажной, душной темноте? Картошка там уже к марту вся прорастает длинными бледно-голубыми усами, сморщивается, съедается, становится не просто несъедобной, но жизненно, вернее, смертельно опасной. И все-таки неистребима привычка бывшего советского, бывшего великого, бывшего народа делать запас на зиму, на черный день, на случай стихийного бедствия или введения чрезвычайного положения, на любой другой случай... (нужное подчеркнуть или вычеркнуть, кому как хочется). В подвале этой хрущобы и погибла Лариса. А спустя год ее семейство значительно улучшило свои жилищные условия.

Конечно, всякий человек, умеющий мыслить логически, какой вывод сделал бы? Что после Ларисы остались огромные деньги, которые прежде она почему-то от семьи таила. И коли мужу светило такое огромное наследство, то, вполне возможно, не столь уж безосновательны были подозрения ушлого следователя с немецкой фамилией, герра Бергера, который тщательно пытался пришить Алексею Стахееву мокрое дельце...

Пожалуй, Алена с ее подозрительностью и общей мизантропией так бы и решила, если бы от своей подруги Инны Тюлениной, нижегородской адвокатессы, которую просила разведать все, что можно, о своем *женихе* (в том числе, кста-

ти, и день его рождения!), не узнала совершенно точно: нет, Алексей не получил наследства после смерти Ларисы. Просто так уж сошлись обстоятельства, что его маленькая фирма по ремонту компьютеров и радиотехники, доселе дышавшая на ладан, вдруг ожила. Правда, ожила она не в руках Стахеева, который, судя по всему, был никудышным бизнесменом, а в руках нового владельца, которому Алексей ее очень удачно продал (правильнее будет сказать – впарил, потому что сделка поначалу казалась совершенно безнадежной), оговорив себе не только кругленькую сумму, но и проценты с будущих прибылей, которые (дело, повторимся, расцвело в умелых руках) сделались весьма значительным, что позволило Алексею превратиться в эдакого рантье и жить в свое удовольствие.

Вот только о жизни *жениха* Алена ничего особенного не смогла узнать. Ну, молодая любовница... ну, вздорная по характеру дочка... И все же ничего необыкновенного. А между тем человек вдруг начал неконтролируемо сходить с ума. Почему? Это как раз и предстояло узнать нашей доморощенной следовательнице.

– Странно, – сказал между тем Алексей, поднимая голову и глядя на окна. – У меня почему-то темно. Галина с Ванькой толкуются на кухне, что ли? Кухня и моя комната, – пояснил он, – окнами на противоположную сторону выходят. Ну, сейчас все выяснится. Итак, с Богом! Пошли, рискнем?

– Рискнем, – сказала Алена с какой-то незнакомой ей

прежде, залихватской интонацией.

«Страшно мне, что ли? – спросила она себя. – Ничего, это ведь игра! А представляешь, как бы ты тряслась, если бы все было в натуре? И хорошо, что сейчас не в натуре, правда? Конечно, хорошо!»

– Дико волнуюсь, – пробормотал Алексей. – Могу себе представить, как бы я тряся, если бы это была не игра, а все происходило по-настоящему!

Алена от такого точного озвучивания своих мыслей споткнулась, и Алексей подхватил ее, поддерживая под руку. Повернул к себе.

– Может, поцелуемся для храбрости? – сказал внезапно, и Алена, донельзя изумленная, почувствовала его губы на свои губах.

У нее просто-таки ноги подкосились от изумления!

Неужели влечение между ними имеет-таки место быть? Во что может вылиться поцелуй при исполнении служебных обязанностей? И нужно ли доводить дело до такой короткости в отношениях партнеров по расследованию?

– Здравствуйте, Алексей Михайлович! – раздался рядом жизнерадостный мужской голос, и Алена так и не получила ответа на свои вопросы.

– Здравствуйте, Николай Дмитриевич, – чрезвычайно любезно ответил Алексей, отрываясь от нее и глядя куда-то вниз.

Ну и Алене тоже пришлось изрядно опустить глаза, что-

бы разглядеть человека, который столь бесцеремонно прервал их наметившийся было интим. Он оказался, бедолага, чрезвычайно мал ростом, тщедушен и изморщинен жизнью, словно старая, смятая газета, так что его хотелось назвать не человеком, а человечком. Вообще он был похож на гнома. Впрочем, выражение лица у гнома было весьма жизне-радостное, да и одет он оказался вовсе не в короткие бархатные штаны, куцую жилетку и колпачок с кисточкой, а в элегантную куртку и вполне комифотные джинсики.

– Я вот уже который день забываю фолиант ваш вернуть, Алексей Михайлович, – сказал гном в джинсах и, открыв сумку, висевшую на его плече, достал оттуда и с полупоклоном вручил Алексею довольно толстую, увесистую книгу, по виду вполне достойную названия фолианта. – Огромное спасибо, Алексей Михайлович! Получил живейшее наслаждение! Прочел не отрываясь, словно какой-нибудь детектив!

При слове «детектив» (вспомним, кто была наша героиня по профессии) Алена насторожилась и изловчилась взглянуть на обложку. Ну, ребята... Она ожидала всего, что угодно, только не того, что увидела! Гном держал – ни больше ни меньше! – книгу академика Бориса Рыбакова «Язычество древних славян». Слов нет, сравнить эту книгу с детективом мог только интеллектуальный извращенец... Вот, скажем, произведение академика Валерия Яковлевича Проппа «Исторические корни волшебной сказки» и впрямь читается легко, на одном дыхании, словно авантюрный роман. Одна-

ко труд Рыбакова был весом в прямом и переносном смысле и заслуживал всяческого восхищения. Как, впрочем, и человек, его осиливший.

– Вы славист? Лингвист? Филолог? – выпалила Алена.

Николай Дмитриевич мелко (ну а как еще, при его-то параметрах?) расхохотался:

– Нет, прелесть моя, я гистолог. Но хорошие книги – моя страсть. Осилил академика Рыбакова и запереживал было, что читать теперь нечего. Но случайно навестил нашего рентгенолога (а он, знаете ли, интеллигент, всегда со всеми новинками знаком), увидел на его столе книжку и немедленно ее изъяс – на время, конечно. Взгляните!

И из той же сумки, где только что обрелся досточтимый академик Борис Александрович, он с детской радостью извлек розоватую книжку карманного формата в картонном переплете. Алена мгновенно узнала ее, лишь только увидела картинку: стройная женская ножка в сетчатом чулочке, со стилетом за широкой черной подвязкой.

– Что такое? – с некоторой долей брезгливости в голосе пробормотал Алексей, вчитываясь в надпись: «Федерико Андахази. Танцующий с тенью».

– Говорят, бестселлер, – простодушно пояснил Николай Дмитриевич. – Про какого-то модного певца.

Книга была про Гарделя, от музыки и песен которого Алена, как принято выражаться, фанатела так же, как от аргентинского танго вообще. Книга была также про аргентинское

танго, про любовь, смерть, страсть... – обворожительный роман-мюзикл, пылкий такой и незамысловатый, тронувший Алёну куда больше, чем эффектный «Анатом» того же автора.

Нет, зря она так. «Анатом» – это был шедевр... Алёна по своему обыкновению мгновенно углубилась в воспоминания о самых эффектных страницах эпатажной – более чем! – книги и очнулась, осознав, что рядом с ней что-то интенсивно гудит. Она вынырнула из моря беллетристических грез и обнаружила себя в тесной кабинке лифта тет-а-тет и визави с Алексеем Стахеевым. То есть это лифт гудел, вздымая их к вершинам «элитки».

Алёна только головой покачала. Такие выпадения из времени и пространства по причине глубокой задумчивости и гениальной рассеянности случались у нее сплошь и рядом, она уже к ним привыкла, хотя окружающим ее поведение и могло показаться неадекватным.

Не потому ли Алексей такой угрюмый? Решил, что слепой позвал в поводыри слепого? Мало того, что у самого какие-то вывихи в сознании происходят, так и у детективщицы явные сдвиги по фазе намечены...

– Вы чем так озабочены? – спросила Алёна с ноткой вины в голосе.

Алексей бросил на нее изумленный взгляд:

– Мне показалось, вас это тоже удивило.

Так... что-то она все же пропустила. И, кажется, что-то

очень существенное. Как бы половчее выбраться из неловой ситуации?

— Ну да... — промямлила Алена. — Но мало ли что бывает... что могло произойти... Вообще люди, случается, ошибаются...

— Ну, будем уповать на это, — мрачно усмехнулся Алексей. — В конце концов, Николай Дмитриевич видел Галину с Иваном почти час назад. Мало ли куда они могли уехать, может, просто в магазин. Уже небось и вернулись с тех пор.

Алена растерянно моргнула. Вроде бы дочь Алексея и ее кавалер, мягко говоря, уже большие мальчик и девочка. Отчего ж так волноваться папеньке из-за их отъезда? Чай, не малолетки Гензель и Гретель пошли в лес да заблудились...

И вдруг до нее дошло. Ведь сегодня день рождения Алексея! Предполагался торжественный и в то же время домашний ужин, на котором он должен был представить близким даму своего сердца, на коей намерен вскорости жениться. И вот такой демарш! За час до возвращения отца дочь с женихом свалили в неизвестном направлении. Как бы дали понять: нам и видеть тебя с твоей дамочкой противно!

Довольно жестоко... И если бы у Алены и Алексея были серьезные намерения относительно своего будущего, можно представить, как бы они оба были сейчас расстроены, как ранены, как храбрились бы друг перед другом, пытаясь эти раны скрыть...

Но, может быть, дочь Алексея с женихом и впрямь всего

лишь в магазин ездили – к примеру, за тортиком – и уже вернулись? Гном, всеядный читатель, запросто мог пропустить момент их возвращения.

Или все-таки... что-то случилось?

Пока Алена размышляла, лифт остановился, они с Алексеем вышли, и хозяин нажал на кнопку звонка возле правой двери (всего их было на просторной площадке две). Трель безответно отозвалась вдалеке.

– Так... – вздохнул Алексей. – Похоже, и впрямь никого. Что бы все это значило, хотел бы я знать?

Он открыл дверь своим ключом (вернее, ключами – замка было три, и все какие-то очень уж сложные, как показалось Алене), и они вошли в прихожую. Здесь было темно, и во всей квартире тоже.

В коридоре раздался писк – сигнализация сработала, догадалась Алена, однако Алексей прошел вперед, на что-то, судя по всему, нажал, и писк прекратился.

– Ребятишки, это ваш отец пришел! – с натушной веселостью выкрикнул в темноту Алексей. – Ау, вы где?

К сожалению, на зов Алексея никто не отозвался, не вышел. Он, наверное, до последнего мгновения надеялся, что это какой-то сюрприз задуман был, что вот сейчас детки вылезут из-под кровати, радостно визжа: «С днем рождения», «Хэппи бёстдэй ту ю» или «Бон аниверсер», что аналогично...

«А может быть, они нарочно решили оставить нас тет-а-

тет, обеспечили нам интим? – подумала Алена. – Да-да... Скажем, накрыли стол, поставили цветы... постелили постель!» – добавил чей-то ехидненький голосишко, который она слышала довольно часто и который принято называть внутренним.

– Вот уроды... – произнес Алексей, зажигая свет в прихожей и заглядывая во все двери. – Ну что за уроды!

– Может, забыли? – вежливо спросила Алена, поспешно отвлекаясь от торопливого разглядывания прихожей: обои тускло-зеленые, с изысканным золотистым узором – типичный шалашинский стиль, да еще и панели высотой метра в полтора... полное ощущение, что это слабо моренная, до тускло-золотистого оттенка, ольха, но скорее всего очень хорошая имитация... А как красивы эти маленькие палевые бра, рассеянные по стенам на разной высоте... Отличный вкус у того, кто придумал эту прихожую! Намекнула на забывчивость дочери Алексея и посмотрела на него с сочувствием, совершенно не наигранным, честное слово. Однако в нем легко можно было отыскать и некоторый налет облегчения: щекотливая встреча с людьми, которые заранее казались ей неприятными (почему? ну вот почему-то!), откладывалась на неопределенный срок. Жалко было только Алексея, все-таки жестоко поступили с ним его «ребятишки»!

Раздался телефонный звонок. Алексей, качавшийся с носков на каблуки посреди своей великолепной прихожей, огляделся, словно не понимая, откуда исходит звук, сунул руку

в карман плаща, вытащил мобильный, какое-то мгновение изумленно смотрел на него, покачал головой, спрятал телефон обратно в карман и метнулся куда-то за угол, пропал из поля Алениного зрения. И вот зазвучал его голос:

– Галя? Алло, Галя, ты? Плохо слышно... Ну и что все это значит, можешь ты объяс...

Вдруг его напористый, злой, обиженный голос оборвался, и послышалось неуверенное:

– Что?!

«Милостивый Боже, – испугалась Алена, – мы с ним знай обижались, а не подумали, что могло случиться что-то нехорошее, может быть, даже трагическое!»

К неуверенным и недоуменным ноткам в голосе Алексея начали прибавляться раздраженные.

– Когда это мы договорились? Нет, серьезно? Галка, перестань, ты меня разыгрываешь! Да перестань, нет у меня никакого склероза! В любом случае могли бы хоть позвонить... Выключен? Ну да, я сам не пойму... Галь, нет, правда, где вы? Ничего себе! Как я сам сказал?... Ладно, я понимаю, что это розыгрыш такой, но... Почти час ждете?! Интересное кино. Ну, ладно, с этим разберемся потом. Тогда мы с Аленой... Да, я же говорил, что... Галя, давай не будем начинать все сначала, я сказал, значит, так и будет. Твой папа, Галочка, уже большой мальчик, так что... Короче, мы едем. Да, и я тебя целую. Ну через сколько... ну, минут через пятнадцать-двадцать максимум!

Раздались шаги, и в прихожей, где так и стояла озадаченная Алена, появился Алексей, сжимая в руках трубку радиотелефона. Вид у него был... странный, назовем это так.

– Я похож на сумасшедшую старушку? – подавленно спросил Алексей, пытаюсь улыбнуться. – Нет, серьезно, похож? Потому что, кажется, дело к этому идет...

– К старости? К сумасшествию? Или к перемене пола? – пробормотала Алена, с трудом сдерживая смех.

– Вы разговор слышали? – вместо ответа снова спросил Алексей. – Вы представляете... дети, оказывается, чуть не час ждут меня в «Шаховском», где я на сегодняшний вечер заранее заказал столик на четверых.

– Вы?

– Ну да. То есть так сказала моя дочь, и у меня нет никаких оснований ей не верить. Ну и вот... В общем, дети уже там, в ресторане, нам осталось только к ним присоединиться. Оказывается, Галя звонила мне днем, что-то хотела уточнить насчет нашей вечеринки, но у меня был отключен мобильник. Действительно, отключен. Даже не знаю, как это получилось. Словом, или у меня уже склероз, или это проявление все тех же моих странностей...

– А дочь ваша вас не разыгрывает? – осторожно предположила Алена. – Может быть, у нее юмор такой? У нынешней молодежи шутки, знаете ли, бывают самые что ни на есть патологические!

Алексей хмуро глянул исподлобья:

– Вы что, так хорошо знаете всю молодежь? Сомневаюсь. В любом случае, думаю, обобщать не стоит.

«Ого! – насмешливо подумала Алена. – Оскорбленный папаша кинулся на защиту милой доченьки... Как бы он не передумал на мне жениться, опасаясь, что я могу сделаться злобной мачехой для его крошки».

Она вроде бы и похихикала над своими мыслями, но на самом деле ей стало скучно. Похоже, у ее жениха не все в порядке с чувством юмора. Да ладно, под венец им на самом-то деле ведь не идти, а назвался груздем – полезай в кузов!

«Правда, большой вопрос, чего ради я груздем назвалась, – мысленно вздохнула Алена. – Нет, серьезно, за каким чертом вообще влезла в эту историю?! Ну, Лев Иванович, товарищ Муравьев... Какой-то патологический у вас все же дар убеждения!»

Заметив, что Алексей по-прежнему стоит перед ней с надутым видом, она небрежно сказала:

– Извините, я никого не хотела обидеть. Но забавно наблюдать, что вы скорее готовы себя зачислить в склеротики-психопаты, чем предположить какой-то умысел – я не говорю ведь преступный, а хотя бы элементарный розыгрыш! – со стороны дочери. А между тем вы сами говорили и мне, и, насколько я знаю, Льву Ивановичу, что никому даже в своем доме не доверяете. Даже как бы подозреваете детей в каких-то... ну, не происках, но, возможно...

– Я так сдуру сказал, – с изрядной долей воинственности

перебил Алексей. – И жалею, что опустил до таких гнусных предположений относительно своей семьи. Если я не буду верить дочери и ее будущему мужу, то кому тогда мне останется верить?

– Но, насколько я помню, – пожала плечами Алена, – именно в этом и состояла причина моего, простите, внедрения в ваше семейство. Предполагалось, что я попытаюсь исследовать ситуацию, которая может оказаться для вас опасной. Если названная причина отпадает, если вы перестали верить в возможную опасность и даже как бы не допускаете ее существования, то что же я, извините, здесь делаю? Может быть, покончим с этой ерундой, я вернусь домой, а вы поедете к «Шаховскому» сами по себе?

– Поедем мы вместе, – твердо сказал Алексей. – Во-первых, столик заказан на четверых – мною или моей не в меру расшалившейся дочкой, роли не играет. Ужин в качестве подарка мне оплачен детками – и ваши приборы там уже стоят, и, если я правильно понимаю, фондю уже на изготовке. Во-вторых, вы должны меня простить. Это, знаете, неистребимо – если родительский инстинкт взбрыкивает, то уж взбрыкивает!

– Ладно, поверю вам на слово, – несколько принужденно улыбнулась наша героиня, у которой как детей, так и родительского инстинкта не было, а значит, ничего такого у нее отродясь не взбрыкивало. – Поехали, значит?

Алексей кивнул и улыбнулся. А когда они вошли в лифт,

закончил то, что начал было во дворе и от чего отвлек его всеядный читатель-гистолог по имени Николай Дмитриевич.

Алена слегка ответила на поцелуй, который, впрочем, тоже был легким и ни к чему не обязывающим: поцелуй-знакомство, поцелуй-разведка... может быть, а может и не быть...

Алексей тихонько вздохнул, оторвавшись от нее, а она улыбнулась и подумала, что никогда в жизни у нее еще не было так холодно на душе после поцелуя, как сейчас. Вообще-то она знала, что представляет собой довольно пылкую и порой не в меру заводную штучку, да и целоваться очень любила, но сейчас ничто не шевельнулось в глубине души, холодной и ленивой. Или Алена слишком уж ощущала себя, так сказать, при исполнении? И ведь нельзя было сказать, что Алексей ей не нравится! У нашей героини частенько случались спонтанные такие, скорострельные романчики с людьми, которых она знала гораздо меньшее количество времени и с которыми обменялась гораздо меньшим количеством слов, прежде чем отправиться с ними в постель – отправиться к обоюдному удовольствию. Здесь же создавалось впечатление, что и Алексей повинуетя не внезапно вспыхнувшему желанию, а словно бы хочет непременно с Аленой помириться, опасается, что задел ее своей отповедью и она сейчас обидится, уедет домой и оставит его наедине с его проблемами.

Но если так, значит, в глубине души он и впрямь страшит-

ся возникших проблем, без всякого притворства.

Опомнись, несчастная! Зачем ему притворяться? Кажется, на почве написания столь огромного количества детективов – ведь уже штук двадцать пять наваляла, кабы не больше! – ты разучилась воспринимать людей адекватно, тебе всюду видятся какие-то злоумышленники, словно вахтеру, прослужившему век в Конторе Глубокого Бурения и стоящему теперь на страже входа в общественный туалет типа сортир.

Да нет, вахтеры тут ни при чем. Ты воспринимаешь оттенки поведения Алексея именно так, как их должна воспринимать одинокая, никого не любящая и никем не любимая женщина, давно уже утратившая веру в мужское бескорыстие и благородство. Но ведь это только твои проблемы, зачем же навешивать их на Алексея, у которого и своих довольно?

– Ну, вот и «Шаховской», – сказал Алексей, останавливая машину на подъеме улицы Пискунова к Покровке. – Добрались ровнехонько через пятнадцать минут. Подождите проявлять свою эмансипацию – я вам помогу.

Он выбрался вон, распахнул Аленину дверцу, подал ей руку.

– Ну, с Богом! – сказал снова, как говорил давеча во дворе. И, придерживая ее под руку, поднялся на крыльцо Дома актера, которому и принадлежал ресторан «Шаховской», названный так, как известно, в честь знаменитого театрального деятеля, князя Шаховского, который во время наполео-

новского нашествия уехал в Нижний и провел там некоторое время в компании с Николаем Михайловичем Карамзиным, к слову сказать.

Алексей взялся за ручку стеклянной двери, но тотчас отпустил ее, усмехнулся и сказал:

– Ух ты, нас встречают!

Дверь открылась, и на крыльцо вышел молодой человек лет тридцати, широкоплечий, крепкий, хотя и не слишком высокий, русоволосый, с точеным серьезным лицом и холодноватыми серыми глазами. Чуть улыбнулся:

– Приветствую, Алексей Сергеевич. С днем рождения вас! Поздравляю, желаю и всякое такое.

– Спасибо, Ванька.

Алексей обнял парня, похлопал по плечу.

– Слушайте, Алексей Сергеевич, – спросил тот, отстраняясь, – Галка правду говорила, что вы забыли про вечеринку и приехали праздновать домой?

– Ну, – с некоторым смущением покосился на него Алексей, – что-то в таком роде и впрямь приключилось. Заработался, понимаешь. И вообще, забывчивость свойственна людям после достижения ими определенного возрастного рубежа. Уверяю тебя, и ты того тоже не минуешь. Но ладно, не будем о грустном. Лучше познакомьтесь. Алена, это мой, судя по всему, будущий сын. Знакомство с дочерью вам еще предстоит, а пока вот ее жених. А это, Ванька... ты понимаешь, Алена – моя... так сказать... знакомая.

– Иван, добрый вечер, – улыбнулась Алена, подавая руку, которая была осторожно принята, но не сжата – просто по-лежала в теплой ладони и была отпущена на волю.

– Здравствуйте, Алена, – с холодноватой приветливостью ответил Иван, быстро обшаривая ее взглядом с головы до ног. – Будем знакомы. Вы, извините, не обидитесь, если мы с Алексеем Сергеевичем на минуточку уединимся? Очень нужно ему буквально два слова сказать.

– Конечно, пожалуйста, – кивнула Алена. – Я тем временем помою руки.

Она вошла в холл (ни тот, ни другой из мужчин не позаботились открыть перед ней дверь, а немедленно уставились друг на друга) и свернула налево, в туалет. Моя руки, причесываясь, подкрашивая губы (как ни легок был их с Алексеем первый – хотя очень может быть, что и последний! – поцелуй, а все же помада смазалась), Алена придирчиво разглядывала свое отражение. Хорошее зеркало, хорошее освещение – такие вещи женщина начинает замечать и ценить, перешагнув сорокалетний рубеж, не раньше! – и вполне красивое, еще довольно молодое лицо, отражающееся в нем. Приятно размышлять, понравилась она Ивану или нет. А ведь, пожалуй, да! Конечно, такая задача не стоит, ей вовсе не обязательно расположить в свою пользу Алексеевых «детешек», но все же приятно нравиться, видеть восхищение в мужских глазах.

Тем более молодых.

После расставания с тем, кого она любила, но кто не любил ее, Алена с обостренным вниманием ловила признаки интереса к себе, особенно со стороны молодых людей, поскольку тот мужчина был именно что молод, очень молод. И Алена не упускала случая лишний раз убедиться в том, что может им нравиться. Сами-то они ее уже не волновали, не влекли – та любовь, вполне достойная зваться роковой, очень многое выжгла в ее сердце, такое впечатление, что Алена вообще лишилась способности любить, – но интерес с их стороны был ей очень приятен. Так вот именно этот очень приятный, очень льстящий ей интерес она разглядела в глазах Ивана. Он очень хорошо контролировал выражение радушного равнодушия, словно бы приросшее к его лицу, но был миг, когда маска соскользнула – и Алена разглядела жадность в его глазах, ту раздевающую жадность, которая оскорбляет женщин нравственных, ну а безнравственным (вроде нашей героини) весьма льстит.

А впрочем, за каким чертом ей сдался чужой жених?! У нее и свой есть, пусть фиктивный и временный, зато более подходящий по возрасту... Как уныло, как бесконечно уныло звучит эта фраза!

Старательно улыбаясь, Алена вышла из дамской комнаты, но в холле обнаружила одного только Алексея, находящегося, что было видно с первого взгляда, в последнем градусе белого каления.

– Что случилось? Что-то с вашей дочерью? – быстро спро-

сила Алена.

– С чего вы взяли? – буркнул Алексей. – Почему вы так решили?

– Но ведь жених Галины хотел о чем-то конфиденциально с вами поговорить... Полагаю, о своей невесте?

– Ну да, ну да, – закивал Алексей с таким видом, словно досадовал, что Алена чрезмерно догадлива. – Он хотел поговорить именно о Гале. Но на самом деле ничего с ней не случилось, зато со мной кое-что через минуту случится – инфаркт или инсульт. Можете не сомневаться! И все из-за нее! Из-за дочери!

– Да в чем дело-то? – нетерпеливо спросила Алена.

– В том, что она пригласила на наш, так сказать, семейный ужин Юлю! Вы можете себе это представить?!

«Юля... Кто такая Юля?» – напряглась было Алена, но через секунду вспомнила: конечно, Юля! Любовница Алексея, молоденькая блондинка с ногами от ушей и прочими атрибутами модели! Подруга Гали, которая и познакомила ее отцом – понятное дело, не зная, во что их знакомство может вылиться. И дочурка пригласила эту барышню сюда, зная, что отец должен приехать с новой пассией? Каким извращенным чувством юмора надо обладать, чтобы придумать такое! Какой жестокостью по отношению и к отцу, и к подруге, пусть бывшей! Да она ведь их страшно унизит, просто уничтожит!

Стоп, стоп... А может быть, Галя таким образом намерена побороться именно с новой пассией? То есть непосредствен-

но с Аленой?

Интересная девушка. Из тех, которые считают отцов своей собственностью и всячески осложняют жизнь своим матерям. Тогда это чистой воды комплекс Антигоны, который иногда путают с эдиповым комплексом (этот-то последний может быть только у сыновей по отношению к матерям). Ну а уж если папочка вдруг овдовеет, как в данном конкретном случае, то ему вообще житья не будет, поскольку вся дочерняя любовь и ревность выходят из-под контроля и просто-таки набрасываются на отца, душат его... и, случается, преждевременно превращают мужчину в немощного старца. Впрочем, иногда дочери, чувствуя, что папеньке нужна-таки жена, в смысле, женщина в постели, устраивают их браки с сущими уродинами или мымрами, чтобы играть на контрасте и оставаться любимой дочкой, место которой в сердце отца никто не может занять.

Однако что-то здесь не то. Если дочерью Алексея движут именно эти импульсы, то она ведет себя нелогично. Уж всяко, с точки зрения двадцати-двадцатидвухлетней девицы, ее ровесница может быть более опасной соперницей, чем дама, фигурально выражаясь, постбальзаковского возраста, место которой, с точки зрения юной красотки, в монастыре или на ближайшем кладбище, а лучше – на самом отдаленном, чтобы уж точно оттуда выбраться не могла...

Впрочем, что-то Алена углубилась в свой любимый психоанализ. О мотивах Галиных поступков можно и потом по-

размышлять. А сейчас надо позаботиться об Алексее, который как-то чрезмерно огорчился из-за афронта, устроенного дочерью.

Да нет, кажется, дочь тут ни при чем. Дело тут, кажется, совершенно не в дочери!

– Слушайте, вы что, влюблены в эту Юлю? – спросила наша тактичная героиня. – И боитесь ее потерять?

– Вы поразительно догадливы, – проворчал Алексей. – Особенно если учесть, что я сам говорил и вам, и Муравьеву о том, что люблю Юлю. И ей одной верю в сложившейся ситуации. Я, если честно, вообще намерен ей рассказать о подоплеке нашего с вами союза. Не хочу, чтобы моя девочка меня возненавидела и, пока будет длиться наше расследование, нашла бы себе другого. Мы-то ведь с вами все равно расстанемся, но Юлю потерять я не хочу ни за что. Ни за что, понимаете?

Что да, то да: люди в возрасте, влюбившись в молодых, теряют головы и рвут сердца на части, это Алена знала на собственном горьком опыте. Последняя любовь, роковая любовь, смертельная любовь... Господи, сколько таких эпитетов нанизывала она в свое время на острие, пронзившее ей сердце! С высоты своего недавнего горького опыта она может только пожалеть Алексея. Его тоже ждет разлука, измена, забвение, ни с чем не сравнимая тоска потери... А впрочем, мужчинам в таких ситуациях легче, они могут продержаться дольше. Особенно если женятся на своих юных по-

другах и обеспечивают им достойную жизнь.

А вот, кстати, хороший вопрос...

– Послушайте, а Юля знает о ваших проблемах, о приступах, о навязчивых идеях?

– Нет, – покачал головой Алексей. – Мне не хотелось ей говорить. Подумает, что у меня старческий маразм начался.

– Рановато вроде, – усмехнулась Алена. – А впрочем, вы, пожалуй, правы. Многим двадцатилетним кажется, что их родители, люди вдвое старше их, уже давным-давно больны болезнями Альцгеймера и Паркинсона, вместе взятыми. А также Дауна. Но если вы собирались предупредить ее о нашем боевом содружестве, почему же вы до сих пор не сделали этого? Ведь уже не меньше недели прошло, как мы составили негласный пакт в «мерсе» товарища Муравьева. Времени не нашлось?

– Дело в том, что мы поссорились, – буркнул Алексей. – Галя, когда догадалась о нашей размолвке, втихомолку радовалась. А сейчас ухватила за Юлю, как за последний рубеж обороны.

«Кажется, эта Галя порядочная стервочка, – угрюмо подумала Алена. – Небось, если бы я в самом деле претендовала на руку и сердце ее ненаглядного папахена, она очень скоро подсыпала бы мне яду в кофе. Или в чай. Да какая разница, во что! Стоп, стоп, рука и сердце здесь могут быть вовсе и ни при чем. Что, если Галочку волнует, что я окажусь главной распорядительницей отцовского кошелька – судя по

всему, довольно-таки тугого? И именно в этом смысл нашего соперничества, которое она нипочем не желает проиграть. А что? Вполне похоже на правду. Никто не отменял знаменитый тезис о том, что бытие определяет сознание! А кто это сказал, кстати? Какой-нибудь Маркс? Очень на него похоже! Но интересно, какого эффекта ожидала Галя от нашей встречи с Юлей? Мы, предполагалось, должны вцепиться друг дружке в волосы и заколоть друг дружку вилочками для фондю? Или драться шампанскими бутылками? Какие роли нам предопределила сценаристка Галя?»

– Слушайте, тогда что же получается... – повернулась Алена к Алексею. – Юля сейчас там, в зале? – Она кивнула на дверь, ведущую в ресторан. – Если так, мое появление неуместно. Более чем! Придется внести коррективы в наши планы внедрения. Устроим встречу с вашими детьми чуть погодя, через пару-тройку дней. А теперь я, пожалуй...

И она шагнула было к выходу.

– Ну уж нет! – возмущенно воскликнул Алексей. – Договарались так договаривались! Никуда вы не уйдете! Еще не хватало, чтобы какая-то девчонка, моя дочь, моей жизнью распоряжалась... Тем более что Юля была приглашена, но что-то ее все нет и нет, Галина с Иваном появились здесь, как вам известно, час назад.

– Может, едет? – предположила Алена. – И вот-вот нагрянет с букетом темно-бордовых роз (кажется, именно такие принято дарить мужчинам согласно правилам хорошего то-

на?), которые все тотчас же обобщет о физиономии изменщика и разлучницы?

Алексей глянул исподлобья:

– Смешно, да? Издеваетесь? – Но тут же махнул рукой, не выдержал и сам рассмеялся: – Да ну, глупости! Она скандалить ни за что не станет, не то воспитание. Просто повернется и уйдет. – И он опять резко погрузился.

Таких мгновенных перепадов настроения Алене давно не приходилось наблюдать: с тех самых пор, как она рассталась с одним роковым черноглазым красавцем. По Зодиаку он был Львом, а по году – Козой, а значит, более капризное, мятущееся и переменчивое существо даже трудно себе вообразить.

«Везет мне на рефлексантов... – подумала она с тоской. – Но больше я их ни одного к своему сердцу и на пушечный выстрел не подпущу!»

– Послушайте, Алексей, – сказала Алена, с трудом усмиряя раздражение. – Если вы так беспокоитесь о своей барышне, просто позвоните ей, да и все. И попросите не приезжать. А чтобы она не обиделась, назначьте ей свидание на завтра – да и заглавьте свою вину, пригласите теперь уже ее в ресторан, причем одну, придите с...

– Букетом алых роз, которые она немедленно же обобщет о физиономию изменщика, – закончил Алексей, и Алена не могла не рассмеяться: слава Богу, хоть какое-то чувство юмора у него все-таки есть, значит, его можно будет еще ка-

кое-то время потерпеть.

«Потерпеть? – подумала она. – А кто вообще говорит о терпении? Где написано, в каком договоре или соглашении, что я должна терпеть эту ситуацию до бесконечности? Я к ней подошла с какой-то просто-таки гипертрофированной ответственностью, а на самом деле я ведь не к галере прикована! Могу послать все эти игры в любое время и очень далеко. Зачем мне, в самом деле, трудиться и переживать ради человека, который целует меня резиновым поцелуем, а сам до слез озабочен отношениями с юной красоткой? Вот прямо сейчас возьму да и плюну на всю эту чушь! Скажу: «Знаете, Алексей, мне кажется, что мы попусту теряем время, мне пора домой!» И пусть остается наедине со своими детьми, проблемами, любовницей, сдвигами по фазе...»

– Знаете, Алексей, – сказала она, – мне кажется, что мы попусту теряем время!

– Правильно! – воскликнул Алексей. – Пойдемте-ка в ресторан. А то аппетит у моей дочери отменный, у Ваньки – тоже. Попадем к шапочному разбору!

И не успела Алена глазом моргнуть, как была подхвачена под руку и увлечена в ресторанный зал.

Народу здесь было мало – занятыми оказались только три или четыре столика. Алена сразу увидела Ивана, а рядом с ним – какую-то худенькую девушку с распущенными русыми волосами. Она сидела спиной к залу, но, уловив, что взгляд жениха устремился к двери, тоже обернулась... и Алена даже

покачнулась от неожиданности.

Честное слово, это расхожее выражение всегда казалось ей изрядной натяжкой и не слишком удачной метафорой. Ну с чего, в самом деле, вдруг начинать человеку качаться? Не по голове, чай, ударили!

И все же она именно что покачнулась, когда узнала девушку, сидевшую рядом с Иваном. Это была не кто иная, как... Анжела с ее мутноватыми глазами и нарочно приставленной к худенькому телу чрезмерно выдающейся попкой! Ну, Анжела, кондукторша из маршрутки!

Та самая кондукторша из той самой маршрутки!

Нижний Новгород, примерно месяцем раньше описываемых событий

В дверь постучали:

– Психиатры, на выезд!

Наталья Ивановна дисциплинированно подняла голову с подушки и села на узком топчане. Кажется, только заснула... Впрочем, суточное дежурство по «Скорой» не предполагает особого блаженства по ночам. Особенно для бригады психиатров! Конечно, болезни терзают людей в любое время суток, но не секрет, что бесы начинают крутить их именно ночью, вернее, ближе к рассвету, между четырьмя и пятью часами, и этот тяжкий час называется часом Быка. Наталья Ивановна даже книжку читала с таким названием – это была вроде бы фантастика, а вроде бы и нет. Как ни странно, всякие косми-

ческие чудеса из памяти напрочь выпали, да и политические намеки – тоже, а сохранилось воспоминание о том, что на планете Торманс люди делились на кжи и джи, коротко живущих и долго живущих. Наталье Ивановне всегда казалось, что это деление имеет отношение не только к продолжительности человеческой жизни, но и к образу самой жизни.

С рождения обреченные вскорости умереть... Таких людей Наталья Ивановна чем дольше жила, тем больше видела. Впрочем, иногда человек рождался вроде бы рассчитанным на жизнь продолжительную, но потом что-то случалось с ним, а чаще с окружающим миром – реформа денежная, дефолт, очередное обвальное повышение цен... И вот однажды, когда дурь собачья, которая в России царит вокруг, везде и всюду, становится вдруг невыносимой, мозг выкидывает сигнал: «Я больше не могу! Прошу пощады!» Это совсем краткое помрачение, временная потеря контроля над собой, и если хозяин мозга спохватится, примет тревожный сигнал к сведению, то сможет выбраться из ситуации без особого ущерба. Но когда одно наслаивается на другое, будто захлестывает волна за волной... Крепко усвоила психиатр Наталья Ивановна Стрешнева: в большинстве своем люди психически больными не рождаются, а становятся ими. И от сумасшествия, как от тюрьмы да от сумы, никто не застрахован. В любой момент тебя прихватить может так, что хоть на малое время, а сдуреешь.

Да вот только что, не больше часу назад, был вызов... В

студенческом общежитии двери закрывают в одиннадцать и никого не пускают. Какой-то мальчонка запоздал, ломился-ломился, но сторож то ли был излишне суров, то ли спал и стука не слышал. Тогда парень, недолго думая, решил взобраться на второй этаж и влезть в окно. Да и сорвался! Хорошо, его соседи по комнате услышали грохот, выглянули, спустились к нему и вызвали «Скорую», самую обычную. Те приехали – и руками развели. Парень стоит столбом, на слова не реагирует, дрожит дрожмя и стонет, дико поводя глазами... Перепугались коллеги, решили – сошел с ума! Быстренько вызвали психиатров. Ну что ж, приехали. Наталья Ивановна попробовала с парнем поговорить – молчит. Ну, видимо, придется в стационар везти, решила. Подошла, коснулась плеча, а он вдруг как заорет: «Больно мне, больно!» Оказалось, у него шок после падения, кратковременное умопомрачение, и по-настоящему помощь ему нужна была не психиатрическая, а хирургическая. Так что снова пришлось «Скорую» вызывать, уже третью бригаду.

– Психиатры, на выезд! – снова стукнули в дверь.

Здесь, в новом здании, не было громкой связи. Дежурная, приняв звонок, сама поднималась с первого этажа на второй, где находились комнаты отдыха, и осторожно стучалась в дверь именно той комнаты, где спала бригада, которой предстояло отправиться на выезд. Ушел в прошлое хриплый рев динамика, будившего всех – и кому надо ехать, и кому не надо. Наталья Ивановна только удивлялась, почему раньше

никто до этого не додумался: прийти, постучать в дверь, тихо позвать... Дежурные, правда, жаловались, что по лестнице туда-сюда бегать приходится, но ничего, терпели.

– Да встали, встали мы, – пробормотала Наталья Ивановна, зевая, и включила лампу у изголовья. Фельдшеры, Иван и Катерина, водитель Костя быстро обувались, накидывали куртки. Каждой бригаде была отведена особая комната, без деления на мужские и женские. Все равно спали не раздеваясь. На лицах медиков, конечно, не отыщешь особого восторга, но это и не мрачные, исполненные отвращения к жизни физиономии, которые бывают у обычных людей, разбуженных среди ночи, – профессиональная привычка всегда вскакивать в полной боевой готовности!

– Что там у нас? Какой повод? – спросила Наталья Ивановна. – «Белку» кто-то поймал?

На профессиональном языке этим словом обозначают белую горячку.

– Да вроде «белки» нет, но прочего – всего понемногу, – зябко кутаясь в платок (от недосыпу всегда знобит), пробормотала дежурная. – И попытка суицида, и мания преследования... Так домашние сказали. Тяжелейшая депрессия. Женщина пятидесяти лет.

– Понятно, – вздохнула Наталья Ивановна.

Да, возраст проблемный! Причем чем проще среда, в которой эти женщины живут, тем с большей легкостью они с этими проблемами справляются. Ну ей-богу, сорокапя-

ти-пятидесятилетняя бухгалтерша или продавщица, она же – бабушка, свекровь, по совместительству и теща, живущая с половиной своей многочисленной фамилии, а то и со всей в полном составе в трехкомнатной (хорошо, что не в двухкомнатной!) хрущобе, гораздо легче перейдет роковой возрастной рубеж, чем какая-нибудь светская дама или, как это теперь называется, бизнес-леди. Эти-то на роковых сороковых и таких же пятидесятых споткнутся совершенно железно, ведь прекрасные дамы сей возрастной категории прежде всего склонны преувеличивать «дефектность» своей внешности (по сравнению с супербогатыми отлакированными девицами из журнала «Космополитен»). И как следствие у них формируются, выражаясь профессиональным языком, реактивно-депрессивные и ипохондрические переживания («я стала толстая, седая и страшная», «жизнь прошла зря», «отныне мой удел – быть вечной клиенткой гинеколога-эндокринолога» и т. п.). Ну, а если этот самый роковой рубеж сопровождается неприятными телесными ощущениями (приливы крови к голове, головокружения, слабость, обмороки и т. д.), то у таких женщин довольно-таки часто диагностируются разнообразные истерические состояния, а то и более или менее серьезные психические расстройства. Вплоть до попыток прервать течение собственной жизни, то есть, проще говоря, покончить с собой.

Наталья Ивановна почему-то была почти уверена, что вот такую зажиточную заполошную истеричку она и встретит

сейчас в квартире 48 в доме номер 52 б по Ленинскому проспекту. И хотя она знала, что нет для врача ничего глупее, чем строить предположения (и вообще, если тебе не нравится работать круглосуточно и быть готовой в любую минуту подняться с постели, иди лучше в участковые терапевты... хотя неизвестно, кстати, что хуже: по участку бегать, а потом на приеме сидеть или по вызовам на «Скорой» мотаться), а все же не смогла Наталья Ивановна сдержать легкой усмешки, когда вскоре увидела, что совершенно не ошиблась в диагнозе, пусть и поставленном заранее.

Это была дама стройная (стройность ее подчеркивалась обтягивающими джинсами и стрейчевым черным пуловером с рукавами-раструбами), даже худая, из тех, кого с самыми лучшими чувствами называют жутким словом «подтянутая», что в определенные годы звучит как насмешка, если не как прямое оскорбление; с подкорректированными жизнью, а когда-то определенно точеными, чеканными чертами смугло-бледного лица; с огромными черными глазами, полуприкрытыми сейчас отеками веками. Видно было, что она много плакала, тушь сохранилась только в виде черных подглазий. И все же сразу становилось ясно: она принадлежит к той категории женщин, которые следят за собой, как могут, бьются за себя, любимую, до последнего мгновения, и эти усилия в обыденной, спокойной жизни, пожалуй, себя оправдывают, но стоит даме попасть в ситуацию неуправляемую, неподконтрольную – и замаскированный возраст не

просто себя выдает, но мстит сторицей.

В обыденной жизни Наталья Ивановна таким женщинам завидовала. В нештатных ситуациях – втихомолку зло-радствовала над ними. Но, конечно, профессионально себя сдерживала. И сейчас ловко спрятала насмешливую улыбку при виде седины у корней черных, небрежно забранных заколкой волос.

Ну-ну...

Нижний Новгород, наши дни

– Ну и как ваши впечатления? – спросил Алексей озабоченно. – Знаете, на самом деле мне кажется, все довольно прилично прошло. На ребятишек вы произвели, кажется, очень хорошее впечатление. Я ожидал черт знает чего, но они были тише воды ниже травы. Особенно Галка меня поразила!

Да уж... Давно, а может быть, и никогда Алене не приходилось видеть такой смеси выражений в устремленных на себя женских глазах! Основным компонентом, конечно, было изумление. Да и она сама таращилась на Анжелу не без оторопи. Что бы все это значило? Розыгрыш? Недоразумение? Иван подсел к чужому столику, и эта отвязная автобусная чокалка вовсе не его невеста, не дочь Алексея? Что только не приходило, вернее, не влетало в голову Алены за это мгновение полного ступора, в который она впала! Однако до ее слуха наконец долетел голос Алексея, который предста-

вил сначала ей дочь Галину, а потом ее, Алену Дмитриеву, представил дочери... И впрямь выходило, что Анжела не кто иная, как его дочь!

Во времена незапамятные Алена очень увлекалась «Санта-Барбарой» (да и разве она одна?), поэтому, само собой, ей не могла не прийти в голову мысль о каких-то близнецах, подкидышах, о патологическом сходстве дальних, не знающих друг друга родственников... А пуркуа бы и не па. Она и сама в своих детективах и любовных романах не раз отдавала должное этой теме, так что сейчас готова была поверить: Галя – это одно существо, а Анжела – совсем другое, однако выражение глаз Гали было предельно красноречивым. Алексей, видимо, слишком обрадованный тем, что дочь с первой секунды не начала швырять в *невесту* красивые ресторанные тарелки, то ли не замечал ничего странного, то ли не хотел замечать, однако Иван так и шнырял глазами то на Галю, то на гостью.

Между тем около столика засуетились официанты, а Галя отодвинула стул и встала:

– Я сейчас вернусь. Никому больше не нужно в дамскую комнату?

Поскольку именно в эту комнату Алексею и его сыну вряд ли могло понадобиться, то понятно, к кому относился вопрос.

Правда, Алена совсем недавно ее посетила и делать ей там было вроде бы нечего, но очень уж выразительный взгляд

бросила на нее Галя. Это было явное приглашение выйти и поговорить. Прояснить отношения.

Выяснять отношения Алена по жизни терпеть не могла, однако *прояснять* их – это всегда пожалуйста. Поэтому она неспешно встала, увидела беспокойство в глазах Алексея, успокаивающе улыбнулась ему, перевела взгляд на Ивана, не то смутилась, не то обрадовалась все тому же, мягко говоря, заинтересованному выражению, с которым смотрел он, и вслед за Галей вышла из зала.

Ну, так и следовало ожидать, что у барышни терпения не хватит ждать слишком долго: едва дверь захлопнулась, приглушая мелодию божественного Пяцоллы, раздававшуюся в зале, как Галя с воинственным выражением повернулась к Алене:

– Ну? Донесли уже папашке?

– Значит, я не ошиблась, это и в самом деле вы, Анжела! – усмехнулась Алена. – А ведь у меня были, если честно, сомнения. У меня вообще-то плохая зрительная память, подумала, что случайное сходство, опять я кого-то с кем-то перепутала. А вы мне подтверждение – на блюдечке с голубой каемочкой. Спасибо, Анжела!

Разумеется, никаких сомнений у нее не было: второй такой попки, как у Гали-Анжелы, других таких блеклых глаз просто не найти если не в мире, то уж в Нижнем Новгороде точно, но ничего, пусть барышня подергается! Так ей и надо!

Выражение лица Гали было более чем забавным. Выхо-

дит, она сама себя выдала, как та унтер-офицерская вдова, которая сама себя высекла?

– Ч-черт... – прошипела она. – Ладно, теперь вы точно знаете. Ну и что намерены делать? Скажете отцу?

– Посмотрю на ваше поведение, – спокойно сказала Алена.

– В каком смысле? – вскинула Галя брови. – А, понимаю. Не буду ли вмешиваться в ваши с папенькой отношения? Не устрою ли вам скандал с битьем посуды: это мой отец, и я его никому не отдам? Так, что ли? То есть молчание ваше – за одобрение мое? Нет уж, торг здесь неуместен. Шантажировать меня вы не сможете: я ведь с Ашотом на маршрутке ездила по заданию редакции.

– Что?

– Что слышали. Вы что, подумали, я и правда кондуктор из автопарка? Да ничего подобного! Я журналистка. Готовлю большой материал о работе нижегородских маршрутных такси. Ну и изучаю проблему изнутри. Собираю конкретные детали, которые невозможно выдумать. Понятно вам?

Алена задумчиво посмотрела на рисковую барышню.

Что такое конкретные детали, нашей писательнице было очень даже понятно. Она эти самые детали обожала и из любви к ним частенько совершала поступки, которые, с точки зрения человека нормального, казались бы не просто чудными, но порою идиотскими и даже аморальными. Скажем, поход в публичный дом для богатых дам под видом клиентки...

Зато какой роман Алена потом написала по следам этого похода, какой замечательный, забойный романчик!³

Но Бог с ним, с романчиком. Главное, что Алена вполне могла понять журналистку, которая совершила бы такой экстраемальный поступок, как устройство на работу в автопарк, ради хорошего материала. Но, глядя на Галя, она готова была вскричать, совершенно как Константин Сергеевич Станиславский: «Не верю!»

Разумеется, кричать она не стала, а проговорила нормальным человеческим голосом:

– Материал, значит, готовите? А для какой газеты?

– Для нижегородской вкладки «Аргументов и Фактов»! – с вызовом ответила Галя, она же Анжела.

– Серьезно? – ахнула Алена. – Ну, классно, вам повезло, не для какого-нибудь бульварного листка трудитесь, а для уважаемой газеты! Кстати, у меня там знакомая работает, Наташа Долгова. Знаете такую?

– Я пока не в штате, каждого-всякого знать не могу, – усмехнулась Анжела. – Только хочу туда устроиться, а пока стажерка. Это испытательный материал, понимаете? Если статья получится хорошая, меня возьмут на постоянную работу. Поэтому я стараюсь из всех сил, иду на все! Ясно вам?

– Еще как! – задумчиво кивнула Алена. – Мне все теперь совершенно ясно. Например, что вы врете как сивый мерин.

³ Об этой истории можно прочитать в романе Елены Арсеньевой «Репетиция конца света», издательство «Эксмо».

Или в данном случае правильной будет сказать – как сивая кобыла?

– Что?! – так и взвилась Галя.

– То самое, – хладнокровно усмехнулась Алена. – Вас кто на работу взять собирается, курьер Ваня Пупкин? Как вы можете делать материал для газеты, мечтать устроиться туда – и не знать фамилии главного редактора? Наташа Долгова – именно что редактор нижегородской вкладки «АиФ»! Так что врете вы все насчет вашего журналистского интереса, врете! И не пытайтесь меня разубедить, потому что я прямо сейчас могу Наташе позвонить – у меня есть ее телефон, мы вместе на шейпинг ходим и вообще состоим в отличных отношениях – и узнать насчет стажерки Анжелы Стахеевой. То есть Галины, Галины Стахеевой, конечно!

Глаза вышеназванной... о, теперь это была не стоячая болотная вода, а крутой кипяток! Алена даже посторонилась чуть-чуть, чтобы не ошпарило.

– Строго говоря, – продолжила она, – дело не только в Наташе. Я сразу поняла, что вы врете. Будь это только журналистское задание, вы не боялись бы открыться отцу.

– Нет, боялась бы! – воскликнула Галя, похоже, даже не отдавая себе отчета в том, насколько нелепо звучит тут солагательное наклонение. Еще одна гирька на чашу с надписью «contra»... – Боялась бы, потому что он этого ни за что не одобрил бы. Устроил бы скандал... Вот я и скрывала.

– Продолжаете упорствовать в своем вранье? – снисходи-

тельно поглядела на нее Алена. – А Константин Сергеевич по-прежнему кричит: «Не верю!»

– Какой Константин Сергеевич, вы что, рехнулись? – почти с ужасом уставилась на нее Галя.

– Пока нет. Но ладно, оставим товарища Станиславского в покое, – отмахнулась Алена. – Не только он вам не верит, но и я тоже. Уж очень вы перед Ашотом выслуживались там, в маршрутке. Конечно, вы можете сказать, что надо было легенду поддерживать. И даже со мной вы могли вести себя по-хамски, не дать мне выйти из маршрутки во имя все той же легенды, хотя не понимаю, где написано, что кондуктор маршрутки непременно должен во всем уподобляться водителю. А если бы он начал меня избивать, вы что, к нему присоединились бы... ради конкретных деталей? Ладно, пусть мое предположение на вашей совести останется. Или на том месте, где она теоретически должна быть. Сказать, повторяю, вы можете все, что угодно. Но ведь готовность во имя выдумки пойти на такие мерзости, на какие вы шли, характеризует вас с самой поганой стороны! Никакая легенда не могла требовать от вас так искренне меня оскорблять!

– А, вы про то, что я вас старой скандалисткой назвала? – с гаденькой улыбочкой пробормотала Галя. – Конечно, это было не слишком хорошо с моей стороны, но... Вот сейчас вы на скандалистку совсем не похожи!

Ах ты тварь...

Алена только усмехнулась. Ее давно уже не ранили такого рода булавочные уколы. Нет, точнее выражаясь, она уже давно научилась не выдавать, как сильно они ее ранят. Со стороны ничего никогда не было заметно. Тем более сейчас.

– Не старайтесь, Галя, – сказала она с материнской, можно сказать, улыбкой. – Это ведь только подтверждает мое мнение о вас: вы врете, никакого журналистского задания не существует, вы работаете на маршрутке по зову, что называется, сердца. Ну и...

– А что, я не могу работать там, где хочу?! – с яростью выкрикнула Галя – так пылко, что швейцар, который казался полностью поглощенным телевизором, оторвался от экрана и уставился на двух красоток подозрительно, словно прикидывал, придется их таки разнимать или обойдется без вмешательства третьего лица.

– Вот-вот, – успокаивающе кивнула Алена, – вы меня перебили, а я как раз собиралась сказать: хочется вам на маршрутке работать – да на здоровье! Только почему сразу стервой надо становиться, не понимаю, неужели работа требует? Или это отвечает сути вашей натуры?

Один – один...

– Почему вы боитесь открыться отцу? – резко спросила Алена, не давая Гале перейти в наступление. – Что за тайны такие?

– Вы что, совсем свихнулись на старости лет? – рявкнула Галя. – Неужели не понимаете? Ему это не понравится. Вы

еще не раскусили папеньку? Он такой зануда... такой правильный, тошно просто! Он и вам еще плешь проест, не сомневайтесь!

— А, так у вас на голове парик, который скрывает проеденную им плешь? — ласково осведомилась Алена (один — два!) и тут же пожалела об этом. Все же не стоит переходить на совсем уж рыночные отношения. — Ладно, хватит швыряться взаимными оскорблениями, — сказала она примирительно, не дожидаясь, пока откровенно онемевшая Галя обретет дар речи. — Это ваше дело, кем быть. И с волками жить — по-волчьи выть, я понимаю. Вам приходится соблюдать законы стаи. Бог с вами. Я уже не сержусь. А отец — он думает, вы где работаете? В газете, что ли?

— Ну да, — буркнула Галя, неожиданно покладисто принимая трубку мира. — У него навязчивая идея, чтобы я журналисткой стала. А я не хочу. Ненавижу бумагомарательство и писак всяких ненавижу!

Два — два... Ну ладно, Господь велел прощать убогих, а все, кто не был в ладу с бумагой, пером и сложением словес, принадлежали, по классификации Алены Дмитриевой, к числу убогих.

— Все-таки не пойму, — пожалала она плечами, — ваш отец что, газет не читает? Как он может верить вам, если ни одного материала за вашей подписью в «АиФ» не появлялось?

— А я вру, что пишу только под псевдонимами, — ухмыльнулась Галя. — Увижу какую-нибудь симпатичную заметочку

– вот, говорю, мое творчество, я наваляла! Ну, он к тому же знает, что я еще не в штате, поэтому не удивляется, что редко печатаюсь.

– Рисковая же вы барышня, – покачала головой Алена с невольным даже уважением. – Я б в разведчики пошел, пусть меня научат... Нет, в самом деле – вы же в любую минуту провалиться можете... – Она чуть было не ляпнула, что там, на площади Минина, где вся интрига завязалась, Алексей Стахеев только чудом не вышел из «мерса» вместе со Львом Ивановичем Муравьевым и не застиг дочку на месте преступления, но обмолвиться об этом было бы чрезвычайно глупо и могло бы навести Анжелу на ненужные мысли и догадки. Поэтому Алена только и сказала: – На том маршруте, где мы встретились, наверное, масса знакомого народу может вас видеть! Не боитесь, что кто-нибудь рано или поздно вас узнает и отцу расскажет? А кстати, почему вы этого так боитесь? Он что, убьет вас? Наследства лишит?

Ох, какое странное выражение в глазах... Что бы оно значило, а?

– Наследства не наследства, а деньги на жизнь давать точно перестанет, – буркнула Галя, отводя глаза, которые, видимо, и в самом деле сказали слишком многое. – И не так уж я рискую, как вам кажется. То есть сначала я маскировалась как-то, красилась, волосы прятала, а потом плюнула на это. Кто обращает внимание на кондукторшу? Вдобавок я ведь не на том маршруте работаю, не в верхней части, а

на Автозаводе. Там наши знакомые не живут, они все тут, в верхней части, обосновались. Просто случайность, что нас на полдня на другой маршрут перебросили, а тут вы и возьми полезь скандалить. Вполне могло бы обойтись и без ненужных встреч. Ведь наши знакомые на маршрутках не ездют, у всех свои тачки, на общественном транспорте только разная безденежная шантрапа катается.

Три – два в ее пользу... Нет, сейчас будет три – три!

– Вообще-то нормальные люди говорят не «ездют», а «ездыт», – усмехнулась Алена. – Или вы настолько вошли в образ туповатой Анжелки, что никак не можете из него выйти? Ну-ну, расслабьтесь, Галя! Вы типа журналистка, а для этой публики знание правил грамматики – само собой разумеется. Надеюсь, в вашей мимикрии вы не дошли до того, чтобы говорить «ложить» вместо «класть»? – Всё, Дракон (а наша писательница родилась в год Дракона) пошел вразнос! Вернее, полетел. Сейчас выжжет пару-тройку деревенок, тогда, может, и успокоится. – Вы сказали, что вам работа нравится. Говорят, там очень свободные нравы, в автопарке... Вам и это нравится?

– А то, – откровенно усмехнулась Галя. – Вы даже не представляете, как нравится! Я хочу жить так, как хочу, а если это кому-то мешает, пусть подвинется. Все, я и правда пойду в туалет, а то от разговоров с вами запросто можно у...ся!

Назвав предстоящее действие коротко и ясно, без всяких эвфемизмов, Галя зацокала каблучками в сторону туалета.

Алена посмотрела вслед. Платице такое, которое настоящей Анжеле только в самом радужном сне может присниться. Что-то в таком роде Алена вроде бы видела в витрине «Шеле», однако вглядываться не стала, поскольку – какой смысл тарашиться на то, что тебе заведомо принадлежать не может?

Разумная мысль... жаль, что наша героиня ей не всегда следовала. Еще и полугода не прошло, как она прекратила тарашиться на некое существо мужского пола, которое ей никак, ни за что, ни под каким видом... А впрочем, ну его! Хватит! Надоел! И любовь к нему – безответная, бессмысленная, бесконечная – тоже надоела!

Итак, платице из «Шеле», туфельки из чего-нибудь аналогичного, запредельного по ценам, белье, если Галя носит нижнее белье, самой собой, из «Дикой орхидеи», а уж украшения на девушке... В самом деле, богатый и щедрый у нее отец, а девочку тем не менее тянет в хиппи, и даже не в хиппи, а в кондукторши маршрутного такси. Что же, интересно, заставляет золотую или позолоченную молодежь подаваться из князей да в грязи? Захотелось барыньке вонючей говядинки? Да, бывает и такое, сплошь да рядом, если учитывать исторические примеры. Скажем, Софья Перовская...

Ну вот только о Софье Перовской не надо сейчас, пусть покоится с миром в той яме с негашеной известью, куда ее тело свалили вместе с остальными телами цареубийц. И ежели кому-то охота возвеличивать ее злодеяние и называть его

подвигом, то Алена Дмитриева к числу таких болтунов принадлежать не хочет. А поэтому не будем о Софье Перовской!

Софья Пер... то есть Анж... то есть, тьфу, Галя Стахеева обернулась, словно почувствовав ее взгляд.

– Диву даетесь? – ухмыльнулась проницательно. – Понимаю. Но что поделать, у нас вся семья чокнутая. Мамочка покойная на старости лет... Впрочем, ладно, Бог с ней, о мертвых не принято ничего такого говорить. Я вот в Анжелку играю. Иван – его в частную клинику психиатрическую работать зовут, а он фельдшером на «Скорой» мотается за какие-то копейки, дежурит даже не сутки через трое, а через сутки на полторы ставки вкалывает. И не ради денег, честное слово! Работа нравится. Отец – тоже с вертолетами в башке. То с Юлькой с ума сходил, теперь вот с вами... В его-то годы! А впрочем, думаю, фигня все, несерьезно. Что с Юлькой, что с вами.

– Это еще почему? – заносчиво спросила Алена, заранее собравшись, чтобы достойно встретить удар – сейчас Галя наверняка ляпнет еще что-нибудь насчет «старости лет»! Однако та лишь загадочно пожала оголенными плечами:

– Да вот... печенкой чувствую!

– Печенкой? – презрительно скривила губы Алена. – Ну, ну, если печенкой – то конечно... Почему же вы так задержались, когда Алексей собрался меня вам с Иваном представить? Чего взбесились, если у вас такая уж чувствительная печень?

– Что? – растерянно промямлила Анжела. Да, теперь уж точно – Анжела, а никакая не Галя Стахеева.

– Спросите у Ивана, он наверняка знает медицинскую латынь, – фыркнула Алена. – Нераг – печень по-латыни. Почему, спрашивается, забеспокоились по моему поводу?

– Потому что вы – опасней, чем Юля. Она отцу все равно скоро надоест, всякие сиськи-письки только до времени мужика волнуют, ими одними его не удержишь, их вон сколько, выйди на Покровку – глаза разбегутся. А вы, мне казалось, дама серьезная, умная, сильная, и если вцепитесь в его деньги... А они мои, понятно? Не хотелось гражданской войны в нашем доме, поэтому я оборонялась от вас по мере возможностей. Но это было только до того, как я вас увидела. Всё, теперь вы мне не страшны. То есть, конечно, мне бы не хотелось, чтобы вы языком болтали о нашей встрече в маршрутке, но вы и не станете, верно? Для вас главное – всякие чувства, фантазии... Такими дурочками, как вы, можно легко управлять, для таких деньги значения не имеют, главное, рассказывай им поподробнее про любовь-морковь – и делай с ними что хошь, как в песенке поется. К тому же вы зануда, отец таких терпеть не может. Нет, он других женщин любит. Он вас скоро бросит, помяните мое слово!

– И каких же женщин любит ваш отец? – заносчиво спросила Алена, безуспешно пытаясь скрыть свое изумление уникальной проницательностью столь туповатого на вид существа. Особенно сильным был поразительной красоты и

точности пассаж про любовь-морковь... – Таких, какой ваша матушка была?

– Каких любит? – переспросила Галя глумливо. – Так я вам и сообщила! Нет, маму он тоже не любил, она, бедняжка, была самая обыкновенная музейная крыса.

– Галина, да вы что?! – ахнула Алена.

– Да ничего плохого, это же просто выражение такое. Для нее музей был всем, самое главное в жизни. И вообще, она с фантазиями была, я же говорила. Вроде вас. А кстати, о фантазиях. Вы правда писательница?

– С чего вы взяли? – изумилась Алена. Они ведь договаривались с Алексеем молчать об этом. Совершенно точно – договаривались не открывать ее инкогнито! Неужели не выдержал и проговорился-таки?

– Ванька сказал. Он вашу фотку видел в какой-то газете, вы там интервью давали. И на книжке видел снимок, читал ваши творения. Говорит, исторические очень даже ничего, а детективы – хороший материал для психоаналитика, а не остросюжетное чтиво.

– Да, вы правы, чтиво я никогда не писала, – высокомерно ответила уязвленная до глубины души Алена. При этом она понимала, что и в данном конкретном случае, как, впрочем, и всегда, правда глаза колет, не иначе!

– Да какая разница? – передернула плечиками Галя. – Главное – никчемные фантазии. Я вас не зря с мамочкой сравнила – у нее на старости лет тако-ой сдвиг по фазе по-

шел... Представляете – женщина ваших лет...

«Боже, дай мне силы вытерпеть все это!» – сжалась внутренне Алена.

– ...ваших лет женщина, я говорю, вдруг начала ни с того ни с сего сказки запоем читать. Про всякие наливные яблочки, скатерть-самобранку, ковер-самолет и прочие сапоги-скороходы. За уши ее оттащить нельзя было! И я, знаете... – Галя горько усмехнулась, – грех говорить такое, конечно... малость ее даже презирала. То есть вообще-то я ее любила и рыдала, как ненормальная, на похоронах, но все же... Я всегда была папина дочка!.. Ой, не понимаю, какого черта я вам все тут рассказываю, у меня скоро мочевого пузыря лопнет! – зло выкрикнула Галя.

– Ничего, как-нибудь потерпите, – хладнокровно заявила Алена. – И давайте все же сговоримся. Вы – папина дочка, значит, вам не безразлично, что Алексей о вас будет думать и как он отнесется к вашим автобусно-маршрутным эскападам. Прекрасно понимаете, что он с вами сделает, если про Ашота узнает... Поэтому давайте условимся: я молчу про Анжелу, а вы нам не мешаете. Понимаете, я вовсе не исключаю, что вы правы, что мы с Алексеем расстанемся... Мы ведь еще в загс бежать не собираемся, успокойтесь. Но он ли меня бросит, сама ли я уйду – пусть это будет сугубо наше с ним собственное решение, принятое без всякой посторонней «помощи». Слово «помощь» я в кавычках употребляю, – добавила она, как добавила бы яду в Галин бокал с

шампанским.

– Ясно, – с безразличной миной протянула Галя. – То есть мы подписали как бы пакт о ненападении, да?

– Вроде того, – кивнула Алена.

Галя кивнула, усмехнувшись. И такая это была странная усмешка, так отвела она глаза и так подчеркнуто резко бросилась к дверям туалета (а может, и впрямь терпелу больше не стало, всякое в жизни бывает!), что Алена вернулась в зал с беспокойством в душе.

А впрочем, чего ей было беспокоиться-то? Чем могла бы ее пронять, чем могла бы повредить эта маленькая блудливая философка с мутно-бледными глазами и чрезмерно выпуклой попкой? Да ничем. По большому счету, Алене глубоко плевать на свою репутацию вообще и в глазах Алексея – в частности. И даже если Галя откуда-то выроет и принесет отцу в зубах правду-истину о единственной тайне своей потенциальной мачехи, о ее безумной любви к... (не будем называть имени, тем паче что оно и так слишком часто звучало в романах Алены Дмитриевой) эта тайна не окажет никакого влияния на отношения Алексея и Алены, поскольку они у них сугубо деловые. Такими и останутся надолго... навсегда!

Итак, в отношениях с падчерицей как бы точки над *i* расставлены. Как бы еще расставить их и в отношениях с женихом Галины? А его пристальные взгляды объяснялись, значит, всего только тем, что он знал, кто такая Алена?

А она, как всегда, что-то себе снова нафантазировала...

Ну и хорошо, вот только современного варианта истории Федры и Ипполита ей не хватало!

Не признаваясь даже самой себе, что вообще-то ее задело (ну вот и пойми после этого женщин... а кто мечтал когда-то, чтобы читатели и почитатели ее с одного взгляда узнавали на улицах, в автобусах и прочих общественных местах?), Алена вернулась за столик, и дальше вечеринка шла вполне прилично, тем паче что обещанная Юля так и не появилась, а вернувшаяся из дамской комнаты Галя вела себя вполне благопристойно. Иван был вообще образцом джентльменства. Алексей взирал на семейство с изумлением и даже как бы с некоторым испугом, словно опасался подвоха.

Однако общее благолепие длилось недолго. Едва официант начал сервировать стол для подачи фондю из телятины, как Ивану позвонили на мобильный телефон с работы.

– Там у нас почти трагедия, – пояснил он после коротких и возбужденных переговоров, вставая из-за стола. – Один из фельдшеров в дежурной психиатрической бригаде сегодня на работу не вышел, заболел, а второй на вызове пострадал.

– Как это – пострадал? – встревожился Алексей.

– Нарк его из окна выбросил, – совершенно спокойно пояснил Иван. – Такое бывает... У нас всякое бывает! Славка жив, но расшибся, его в травматологию увезли, и теперь на вызовы доктору ездить не с кем. У нас ведь не как в линейной «Скорой», где врач, бывает, один по вызовам катается. У нас без фельдшера ни в коем случае нельзя, хотя бы один должен

быть. А сейчас никого, а вызовы-то поступают... Поэтому я, пожалуй, поеду. Мне ж все равно завтра с восьми утра на свое дежурство, так какая разница, сейчас или потом?

– Совершенно никакой, – растерянно покачал головой Алексей. – Или сутки дежурить, или полтора дня подряд... Ванька, ты что, в самом деле уезжаешь?

– Уезжаю, Алексей Сергеевич, – кивнул тот. – Ну, работа у меня такая, куда ж деваться? Вы уж с фондю расправьтесь как-нибудь вдвоем...

– Вдвоем, – уточнила Галина, поднимаясь со стула и одергивая обуженное платье на своей экстремальной попке. – Ты что, думаешь, я такой материал пропущу? Да меня Наталья без ножа зарежет, если узнает, что могла о такой фишке написать и не написала!

– Какая Наталья? – робко осведомился отец.

– Ну Наталья Долгова, редактриса наша. Ты забыл, а ведь я тебе о ней сто раз говорила! – уставилась на него Галина честными-пречестными глазами.

Алена не удержалась – фыркнула, причем не столько от возмущения, сколько от удовольствия. Вот молодец девка, хоть и стервоза, конечно, – как ловко применилась к обстоятельствам! За это ей многое можно простить!

И она весьма снисходительно поглядела вслед своим гипотетическим деткам... ни единой, впрочем, секунды не жалея о том, что они никогда не станут ей родными и близкими. А буквально через полчаса уже просто-таки Бога за это

благодарила.

Итак, подали фондю. Это такая штука, знаете... Бывает сырное фондю, его Алена пробовала во Франции. Но в «Шарховском» подавали вкуснейшее фондю мясное. Официанты принесли спиртовку, над которой на треноге стояла цептеровская кастрюлька с оливковым маслом. Отдельно – тонюсенькие ломтики сырой телятины и несколько длинненьких вилок. Мясо на вилочке сворачивается трубочкой и буквально на полминуты опускается в кипящее масло. Такой как бы мини-шашлычок, который надо есть с маринованным луком, овощами и разными соусами, которые уже стояли на столе в маленьких изящных соусниках. Дело требует сосредоточенности, известной сноровки и приносит огромное удовольствие. Вообще вкуснотища невероятная! Мяса как раз хватает, чтобы наестся как следует. Но сегодня заказано-то было на четверых. Алексей с Аленой, конечно, очень старались, но скоро остановились.

– Знаете, я больше не могу, – честно призналась Алена. – Хоть видит око, да зуб неймет.

– Может, вина? – предложил Алексей и налил ей еще «Твиши». Конечно, все знают, что с мясом лучше пить красное вино, но красное Алена не любила.

Она глотнула «Твиши» и съела еще кусочек мяса. И покачала головой: мол, это предел!

– Вообще-то предполагалось еще сладкое... – нерешительно

тельно проговорил Алексей.

– Ой, нет! – испуганно воскликнула Алена. – Ни за что!

– Да ладно, что-то придется с ним делать, ведь все уже оплачено, – припугнул Алексей.

В эту самую минуту около столика появился официант и – ей-богу, честное слово – вполне натурально шаркнул ножкой. Поскольку Алена впервые видела, как это делается, она с любопытством свесилась со стула и поглядела, не повторится ли удивительное зрелище.

Не повторилось, к сожалению. Пришлось поднять голову и посмотреть на руки официанта. В руках он держал такую узенькую книжечку, в которую была вложена еще более узенькая бумажка.

Счет, поняла Алена. Но зачем нам, он же оплачен?

– Извините, – пробормотал официант и снова шаркнул ножкой. И снова Алена прозевала эту дивную картину. – Но мы сегодня раньше закрываемся, не в одиннадцать, а в десять. Уже без четверти, так что не могли бы вы... Надо еще со стола убрать и деньги сдать. Вы извините, я думал, вы знаете; тех молодых людей, которые тут раньше были, я предупреждал. Разве они вам ничего не сказали?

– Наверное, забыли, – весело проговорил Алексей. – Это были мои дети, а они ужасные растяпы. Но что же нам делать со сладким? Куда его девать, не с собой же брать, верно?

– А разве вы заказывали сладкое? – хлопнул глазами официант.

– А разве нет?

– Нет.

– Ну и здорово! – откровенно обрадовался Алексей. – Тогда мы вина выпьем еще чуть-чуть, и ровно через четверть часа нас здесь уже не будет. Так можно, молодой человек?

– Конечно, – согласился молодой человек. – Только, извините, вы не могли бы сначала все же оплатить счет? Понимаете, отчетность прежде всего...

– Как оплатить? – резко вскинул голову Алексей. – А разве он не оплачен?

– Пока нет. Ваши дети сделали заказ, но ничего не платили. Вообще так всегда делается, платят-то в конце.

– Так... – негромко сказал Алексей. – Вы уверены?

– В чем? – беспокойно спросил официант.

– Что счет не оплачен.

– Что вы, как же... – забеспокоился тот. – Разумеется!

– Ладно, – медленно проговорил Алексей. – Ладно, оставьте это, я сейчас деньги посчитаю и...

Официант отойти отошел, но с глаз не скрылся, стоял около эстрады и делал вид, что болтает с музыкантами, которые зачехляли инструменты, а сам так и кидал опасливые взгляды на Алексея и Алену.

– Я правильно поняла, у нас какие-то недоразумения? – осторожно проговорила Алена.

– Да, да! – ответил Алексей, как отвечают в одном лишь месте на планете Земля – в Нижнем Новгороде. Не быстро:

«Да-да», как говорят нормальные люди, а с досадливой постановкой: «Да, да!»

Он достал из кармана мобильный телефон. Набрал один номер, потом другой... Покачал головой:

– У Галки номер недоступен, Ванька не отвечает. Наверное, он на вызове, не может ответить. А где Галка, Господь ее знает. Может, просто отключилась. Увлеклась сбором материала для очерка.

– Угу... – пробормотала Алена.

– Ладно, придется выкручиваться, – буркнул Алексей, убирая телефон. – Смешнее всего, что у меня с собой денег-то и нет.

– Ох ты! – протянула Алена.

– Так что вот так что... – промямлил Алексей опять же понижегородски. – Ситуация патовая. Что делать, не знаю. Выход один: оставить какой-то залог и мчаться домой за деньгами.

– В залог оставить что? – вскинула брови Алена. – Машины? Или меня?

– Ну... пожалуй, лучше вас, – нерешительно посмотрел на нее Алексей. – Останетесь?

– Нет! – решительно покачала она головой. – Как говорят братья хохлы, нема дурных! Поступим иначе. – Она сняла со спинки стула сумочку на длинном ремешке и открыла ее. – Очень удачно, что я уже целую неделю таскаю с собой деньги – за квартиру заплатить, за телефон, за кредит, летом

пришлось холодильник новый купить, – почему-то сочла она нужным пояснить, – и все время забываю заплатить. Как уже не раз убеждалась, все, что ни делается, – к лучшему.

– Что, вот так прямо и выложите почти пять штук? – недоверчиво спросил Алексей.

– Ну, я надеюсь, какую-то часть я все же смогу получить от вас потом обратно? – уточнила практичная Дева (наша писательница родилась под этим знаком Зодиака), а транжира Дракон усмехнулся, давая понять, что вполне переживет, даже если его и кинут на эту совсем даже не малую сумму. С другой стороны, все на свете относительно. Кабы Дракону пришлось платить пять тысяч не рублей, а евро, он небось не сиял бы такой веселой улыбкой!

Но счет был все же в рублях, а значит, его оплатили-таки, и Алена вышла из «Шаховского», имея в кильватере довольного и спокойного официанта, а бок о бок – нервного, обремененного, виноватого Алексея, непрерывно бормочущего какие-то никому не нужные извинения и катающего по щекам желваки. Кстати, интересно: Алена сто раз читала в книжках, что мужчины в минуту крайнего раздражения сплошь да рядом катают по щекам эти самые желваки, – и вот наконец-то сподобилась их увидеть. Малопривлекательное зрелище.

Конечно, она пыталась успокоить разъяренного Алексея и жужжала что-то вежливое, типа да-бросьте-какое-это-имеет-значение, но одновременно размышляла, уж не подстроили ли Ванечка с Галочкой сей милый финт ушами нароч-

но, чтобы подставить либо ее, либо любимого папаньку, либо их обоих вместе. Ведь вполне могло произойти, что денег ни у Алексея, ни у Алены не нашлось бы, и тогда случился бы скандал. Ну хотя бы скандальчик. Милый подарок ко дню рождения, не правда ли?

Но хорошо то, что хорошо кончается, и вот Алексей уже распахивает дверцу своей «Мазды» перед Аленой, и садится сам, и включает зажигание.

– Сейчас же едем ко мне. Я вам немедленно верну деньги. И не спорьте!

Да кто спорил-то?! Никто. Алена вообще сидела молчком. И ни словом не обмолвилась, даже когда Алексей вдруг поехал от ресторана по улице Пискунова вверх и около магазина «Дикая орхидея» свернул направо – на Покровку.

*Москва – Нижний Новгород, 1880 год,
из писем Антонины Карамзиной*

«Николашка, хочу продолжить свою историю. Знаешь, что рассказывают о том, как В.М. придумал эту картину? Будто бы его жена (ох, видел бы ты ее – очаровательная женщина!.. настоящая муза художника, и притом такая уютная, домашняя... я теперь с ней знакома, она ко мне благоволит, ведь я единственная девушка среди прочих учеников В.М., и она меня даже жалеет!) однажды стала смотреть на картины своего знаменитого супруга с очень печальным выражением лица. А В.М. высоко ценит ее мнение. И он су-

рово потребовал:

– Говори все как есть!

– Все у тебя, Витенька, как у всех, все по-модному, – сказала Анна Ивановна. – Все рисуют войну, и ты туда же. Даже смотреть грустно. Везде одно и то же.

В.М. опешил:

– А «Витязь на распутье»?

– Хорошая картинка, но ведь и там, Витенька, война как бы – костей-то как много!

– Так ведь поле брани!

– Опять, значит, ко времени написал?

Говорят, В.М. обиделся. Но и призадумался над словами Анны Ивановны. А потом забросил модную тему и решил заняться только сказками.

Вот что рассказал мне Костя Красноштанов – ну, я тебе о нем раньше писала, он ходит в том самом баснословном бэрэте и черной бархатной куртке. А Степан Вистоплясов поднял его на смех как последнего романтика. И объяснил, что на самом деле наш мэтр всего-навсего решил хорошо подзаработать на заказе богатейшего человека – Саввы Дмитриевича Мамонтова. Якобы тот заказал В.М. аж три картины на сказочные сюжеты – для какой-то железнодорожной конторы, в состав собственников которой он, Мамонтов, тоже входит.

Конечно, это не столь романтично звучит, как готовность исполнить каприз Анны Ивановны, и поначалу я на

Степана даже обиделась. Вообще мне вдруг показалось, что он как-то излишне прагматичен. Не люблю таких скучных, закоснелых матерьялистов! К тому же мы с самого начала с ним крепко сцепились из-за моей позиции относительно основного узора картины.

Так вот что произошло во время моего разговора с мэтром... То есть, конечно, это В.М. удостоил меня своей беседой, а я лепетала что-то бессвязное, пыталась собрать воедино все те знания, с запасом которых приехала в Москву. Я пыталась убедить его, что на этой картине непременно должны быть славянские руны, древние славянские письмена.

— Ну и что же это за письмена? — презрительным тоном перебил меня Степан. — Кириллица или же глаголица? Но ведь замысел картины чудесный и волшебный, здесь должны быть некие каббалистические знаки, ежели угодно, египетские иероглифы, да хоть и китайские, что-нибудь совершенно непонятное взору обыкновенного зрителя, что населит картину волшебством, магией... если хотите, даже черной магией! А что такое славянские письмена? Обыденность, скука, квасной патриотизм!

Что и говорить, сказано смело, даже чрезмерно смело — молвить такое в присутствии В.М., который известен своим подчеркнутым русофильством и даже не желает слышать ни о каких модных нигилистических новациях, которые, увы, потихоньку начинают распространяться среди

молодых художников... Впрочем, я тебе уже об этом писала. При словах «квасной патриотизм» лицо В.М. мгновенно вспыхнуло, однако он сдержался, поскольку считает Степана человеком талантливым (стихийно талантливым рисовальщиком, как он обычно выражается), а значит, склонен прощать ему даже то, чего не простил бы никому другому.

Да, он сдержался, однако был очень недалек от того, чтобы предложить Степану «пойти продышаться прохладою» – такой у В.М. обыкновенный совет для тех, кто позволяет себе болтать лишнее или начинает чрезмерно бахвалиться при уроке мэтра. Мне почему-то стало жалко Степана, хотя, конечно, он провинился... Ну, стало мне его жаль, и я позволила себе заговорить прежде мэтра, надеясь переключить его внимание – пусть даже и неблагоприятное! – на меня.

– Вы, видимо, слов моих не расслышали, господин Вистоплясов? – осведомилась я со всем возможным высокомерием. – Я говорила не о славянских письменах, а о древних славянских рунах!

– Ну, хвала Одину, Тору и господину Снурри Стурулсону, мы все осведомлены о том, что скандинавы имели собственные древние письмена, называемые обыкновенно рунами или резами, – хмыкнул Степан. – Конечно, можно прикинуть к последователям нордической теории, которые готовы лбы расшибить в защиту довода, что русские люди

– потомки викингов, варягов, однако куда мы денем чужд и мерю, вятичей, – он отвесил весьма высокомерный полупоклон в сторону В.М., который, как известно, происходит из Вятской губернии, – лютичей и так далее? Не могло быть никакой единой письменности у нации, которая представляла собой лишь сборище разнокалиберных, разрозненных, враждующих между собой племен! И только когда пришло к нам письмо кириллическое, только тогда лишь...

– Да вы суиций невежда, Вистоплястов! – вскричала я. – Неужто вы не слышали о трудах господина Классена, который весьма доказательно обосновал: наши древние предки имели письменность свою собственную еще до того, как на Русь пришло письмо греческое? Что у славян была грамотность не только до общего введения между ними христианства, но и задолго до Рождества Христова, о том свидетельствуют акты, возводящие грамотность славяно-русов от десятого века назад – до глубокой древности. Например, Ибн-Фодлан, писатель X века, пишет как очевидец о руссах дохристианских, что они на столбе намогильном писали всегда имя покойника вместе с именем князя. В VI веке византийцы говорят уже о северных славянах как о народе образованном, имеющем свои собственные письма, называемые буквицею. Корень этого слова сохранился по сей день в словах: «буква», «букварь», «буквально» и даже во второй букве алфавита – «буки». Царь скифов, предков славянских, вызывал Дария ругательным письмом на бой еще

в 513 году до Рождества Христова. Жрецы и мудрецы славянские писали народные законы на деревянных дощечках, у них употреблялись руны для предсказаний. И вообще в скандинавских сагах винетов, то есть славян, называют образованными людьми. Они писали именно что рунами и резали, которые и по сию пору сохранили магическое значение, не менее сильное, чем ваши знаки Каббалы. Именно поэтому я и прошу нашего мэтра непременно изобразить волшебные древние знаки на своей картине. Они будут как бы залогом полета, стремления, высоты... волшебной силы, способной унести человека в запредельные выси с огромной, невероятной, непредставимой скоростью.

– Ну и какие же это должны быть знаки? – с прежней нигилистической улыбкою спросил Степан.

Мэтр, заметь, все время молчал.

И я начала свою лекцию... Но сейчас я ее описывать не буду, потому что звенит колокольчик, перемена кончилась, а я даже чаю выпить не успела – пора в классы. Ты не представляешь, как я занята, Николашка: я рисую, набиваю руку, занимаюсь денно и нощно, так, что ничего, кроме карандаша, или уголька, или мелка, рука уже держать не в силах, тем паче – ручки с пером. Поэтому пока заканчиваю, напишу спустя день или два.

Твоя любящая сестрица Антошка».

Нижний Новгород, наши дни

Алена молчала не оттого, что ей так уж плевать было на правила дорожного движения и на все прочие узаконения. Нет, она была изумлена до крайности: ведь Покровка – улица непроезжая! Конечно, мелькают на ней годом-родом кое-какие авто, но это или дорожные службы, или милиция, или машины инкассаторов. Всем прочим въезд на Покровку и пересечение ее строго запрещено. Просто удивительно, что напротив Театра драмы не дежурит патрульная машина ГАИ. Ну ничего, сейчас их перехватят на площади Минина, там аж два поста: постоянный около автобусной остановки под кремлевской стеной, и еще патрульная машина «стерезет» стоянку такси неподалеку от Выставочного зала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.